
БРАНДУКОВА
ЕЛЕНА
ПОД МАСКОЙ
КРИКА
ОБГОН СУДЬБЫ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Под маской Крика.

Елена Брандукова

Под маской Крика: Обгон судьбы

«Автор»
2026

Брандукова Е.

Под маской Крика: Обгон судьбы / Е. Брандукова — «Автор», 2026 — (Под маской Крика.)

После трагической гибели матери жизнь Альбы превращается в «до» и «после». Её отец, принципиальный комиссар полиции Фернандо Кастель, перевозит дочь из Мадрида в Марбелью, надеясь замуровать прошлое за идеальным порядком. Для всех Альба — примерная отличница в накрахмаленном воротничке. Но никто не знает, что под этой маской скрывается девушка, выросшая в гаражах и до тонкостей разбирающаяся в реве турбин и ночной скорости.В новой элитной школе Альба сталкивается с Матео — дерзким королем уличных гонок и сыном местного бизнесмена. Их первая встреча на парковке превращается в словесный дуэль: Альба с одного взгляда просчитывает фатальную ошибку в его автомобиле, чем наносит удар по самолюбию гонщика. С этого момента начинается опасное противостояние. Матео жаждет пробить её ледяную броню, а Фернандо объявляет войну ночным бунтарям, не подозревая, что главная угроза уже переступила порог его дома. Опасная игра скоростей, тайн и запредельного притяжения начинается.

© Брандукова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел и бензин 5
Глава 2. На пороге чужой войны 8
Глава 3. Геометрия напряжения 12
Глава 4. Тень у маяка 16
Глава 5. Точка кипения 20
Глава 6. Сделка с дьяволом 24
Глава 7. Осколки искренности и первая кровь 28
Глава 8. Глаза цвета мадридского смога 32
Глава 9. Тень из прошлого 35
Глава 10. Вызов брошен 38
Глава 11. 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Под маской Крика: Обгон судьбы

Глава 1. Пепел и бензин

Мадридское утро не знало сострадания. Оно ворвалось в комнату Альбы агрессивным клином раскаленного света, высвечивая каждую пылинку в воздухе, который за последние три дня превратился в смесь картонной пыли, едкого скотча и застарелой тоски.

Пространство, еще недавно бывшее её крепостью, разрушалось с каждым заклеенным клапаном. Запечатать коробку — значит признать: прошлого больше нет.

Альба стояла босиком на холодном паркете, механически разглаживая пленку очередного ящика. На скотче отпечатались её слезы, но она не обращала внимания. На каждом картоне её отец, Фернандо Кастель, вывел четким, каллиграфическим почерком: *«Кухня»*, *«Кабинет»*, *«Спальня 2»*. Никаких имен. Никаких лишних эмоций. Только функциональность, возведенная в абсолют.

Так комиссар Кастель справлялся с катастрофой — превращая рухнувшую жизнь в упорядоченную опись имущества.

Смерть матери в авиакатастрофе над Атлантикой два года назад расколола их мир на «до» и «после». Океан так и не отдал тело, оставив вместо прощания лишь пустой гроб на символических похоронах и звенящую тишину в огромном доме. С тех пор Фернандо зацементировался. Его плечи стали еще шире, а лицо превратилось в каменную маску. Он подал рапорт о переводе на юг — подальше от мадридских улиц, пропитанных воспоминаниями, — и принялся избавляться от прошлого с хирургической жестокостью.

Для Фернандо его дочь оставалась идеальной, послушной отличницей: идеальный аттестат, выглаженные блузки, умение вовремя промолчать. Комиссар Кастель гордился тем, что уберег её от гнили улиц, с которой ежедневно боролся на службе. Он искренне верил, что Альба даже не догадывается о существовании подпольных ночных гонок, шпаны на байках и опасного рева моторов за пределами их престижного района.

Он не знал главного.

Хави был в жизни Альбы столько, сколько она себя помнила. Они росли в одном дворе, вместе сбивали колени и прятались в старом гараже от дождей. Хави был её другом детства — единственным человеком, перед которым ей не нужно было корчить из себя правильную отцовскую дочку. И пока Фернандо строил карьеру в полиции, Хави рос на улицах, постепенно превращаясь в парня с бензином в крови и вечным запахом моторного масла от рук. Когда разбилась мать, именно Хави держал Альбу за руки на полу в гараже, пока она кричала от боли, не позволяя ей окончательно сойти с ума.

— Альба, проверь ванную. Ничего не должно остаться, — сухо донеслось из коридора. Голос отца прозвучал как щелчок предохранителя.

Она молча зашла в ванную комнату. На пустой мраморной полке остался забытый флакон маминых духов. Альба дрожащими пальцами взяла его, прижала к груди и едва слышно вдохнула аромат жасмина и горького апельсина. Горло сжало сухим спазмом.

«Дыши. Просто делай вдох и выдох», — приказала она себе.

Она спрятала флакон глубоко в карман худи, чувствуя, как холодное стекло обжигает бедро. Это было всё, что она забирала из прошлой жизни.

Грузовики уже уехали. Внедорожник отца стоял у тихой мадридской мостовой, готовый вырвать их из этого города.

Альба вышла на крыльцо в черном худи — том самом, с широким капюшоном, который Хави подарил ей после одной из своих первых ночных побед. Оно было ей немного велико, и в нём она казалась совсем маленькой, потерянной и беззащитной — никак не похожей на ту уверенную отличницу, которую привык видеть отец.

Хави ждал её чуть отдаль, опираясь на забор. Для комиссара Кастеля он был просто «соседским мальчишкой», с которым дочь когда-то играла в песочнице и давно должна была перерасти. Отец презирал подобных парней и мгновенно распознал бы в нем уличную дрянь, если бы присмотрелся. Но прямо сейчас они не заботились о том, видит ли их Фернандо.

Альба просто шагнула к Хави и уткнулась носом в его плечо, вдыхая родной, спасительный запах бензина, табака и металла. Хави обнял её так крепко, что, казалось, пытался срастить их позвоночники в один нерушимый стержень, защитить от всего мира. Он поцеловал её в макушку, чувствуя, как её плечи вздрагивают от беззвучных, разрывающих грудь рыданий.

— Не прощаемся, — прошептала она в его кожаную куртку, судорожно сжимая ткань на его спине.

— Никогда, — ответил он, и его голос дал трещину. — Езжай. Я на связи. Слышишь? Всегда.

Фернандо сурово коротко бибикнул из машины, поторопив дочь. Для него это было лишь прощанием с детским приятелем перед «важной новой страницей».

Когда их тяжелый внедорожник тронулся и спустя пару минут скрылся за поворотом, Хави еще долго стоял на пустой улице раскаленного Мадрида. В его мире стало на один источник света меньше.

Дорога на юг казалась бесконечной. Тяжелый внедорожник отца напоминал бронированную капсулу, отгороженную от внешнего мира тишиной. Фернандо вел машину безупречно: руки на руле в положении «десять и два», спина прямая, взгляд прикован к горизонту.

Пока Альба была в пути, Хави не выпускал телефон из рук. Он писал ей каждые полчаса, вырывая её из гнетущего молчания, царившего в салоне. Экран смартфона вспыхивал в темноте пассажирского сиденья:

«Где вы сейчас? Какой вид?»
«Проезжаете оливковые рощи? Скоро запахнет морем».
«Держись, бунтарка. Я рядом, даже если ты меня не видишь».

Ответила она ему не сразу — пальцы замёрзли и не слушались, а слезы застилали глаза. Лишь когда они миновали Гранаду, и за окном начали сменяться горные пейзажи, Альба быстро набрала сообщение:

«Кажется, мне не придется здесь скучать. Нас только что чуть не размазали по асфальту. Ярко-желтая "Порше" вылетела из левого ряда на безумной скорости. Отец чуть не улетел в кювет, тормозил так, что дым шел. Кто-то в этом городе явно не знает правил... или слишком хорошо их знает».

Сцена на трассе действительно встряхнула тяжелый сон салона. На скоростном шоссе, за несколько километров до въезда в южную провинцию, тишину разорвал визг жженой резины. Ярко-желтый спорткар пролетел на безумной скорости, подрезая их внедорожник так резко, что Фернандо пришлось впечатать педаль тормоза в пол. Машину качнуло, в багажнике глухо ударились оставшиеся вещи.

— Проклятье... — Фернандо выпрямился, его пальцы на руле побелели до костяшек. В глазах комиссара вспыхнул профессиональный яд. Он проводил взглядом уходящую «Порше», которая виртуозно и дерзко виляла между фурами, исчезая в мареве раскаленного асфальта. — Самоубийцы. Им кажется, что законы физики и права на них не распространяются. В Марбелье, я вижу, местной полиции есть чем заняться. Хорошо, что ты не видишь всю эту уличную дрянь, Альба.

Альба лишь мельком проводила взглядом желтое пятно, скрывшееся за холмом, и снова уткнулась в экран телефона. Отец даже не подозревал, сколько раз она тайно слышала этот рев моторов и как сильно скучала по человеку, который научил её не бояться скорости.

Когда они въехали в Марбелью-дель-Сур, солнце уже опускалось за горизонт, окрашивая Средиземное море в цвет запекшейся крови. Город встретил их душным запахом соли, дорогого парфюма и нагретого за день бетонного глянца.

Их новый дом находился в закрытом квартале для семей офицеров и чиновников. Стерильно белые стены, одинаковые заборы, подстриженные по линейке газоны. Тихий, безопасный, идеальный рай, от которого Альбу тошнило.

— Располагайся, — отец поставил её тяжелый чемодан на кровать в совершенно чужой, пахнущей свежей краской спальне. — Завтра в восемь я отвезу тебя в новую школу. Постарайся поспать, Альба. Нам нужно начинать жить заново.

Она дождалась, когда закроется дверь и затихнут шаги отца.

Только тогда Альба позволила себе выдохнуть и опуститься на край кровати. Она подошла к окну и отодвинула тяжелую штору. Перед ней раскинулся незнакомый город — чужие огни, чужие жизни. Где-то там, внизу, змеилась тонкая нить прибрежного шоссе, по которой то и дело проносились яркие вспышки фар. Город дышал скоростью, деньгами и опасностью.

Альба прижалась лбом к холодному стеклу. Семнадцатилетняя сирота при живом отце. Девочка, которая в совершенстве овладела искусством исчезать в собственной тишине, оставив свое сердце на асфальте Мадрида.

Она выключила свет и легла в постель прямо в худи Хави, сжимая в руке флакон маминых духов. Завтра ей предстояло снова надеть маску «идеальной отцовской дочки», застегнуть белую рубашку на все пуговицы и войти в чужой класс. Но прямо сейчас она просто слушала шум далекого моря и ждала, когда телефон снова вибрирует от короткого: *«Я с тобой»*.

Глава 2. На пороге чужой войны

Утро в Марбелье пахло солью, раскаленным бетоном и липким разочарованием.

Альба стояла перед зеркалом чужой спальни, раз за разом застегивая пуговицы ослепительно белой рубашки. Ткань казалась накрахмаленной до хруста, она сковывала движения, словно смирительная рубашка. В Мадриде, на ночных вылазках с Хави, она носила безразмерные худи и старые кеды, в которых легко было затеряться в тени гаражей. Накрахмаленный воротник, сдавливавший горло, был лишь частью маски — маски «идеальной отцовской дочки», которую она поклялась носить ради спокойствия отца.

Она затянула темно-каштановые волосы в тугой, безупречный хвост — ни один волосок не должен был выбиться из этой безукоризненной картины. В кармане строгого школьного пиджака тяжелым и холодным грузом лежал флакон маминых духов, а на экране телефона, спрятанного на самом дне рюкзака, всё еще светилось ночное сообщение от Хави: *«Я рядом, даже если ты меня не видишь»*. Это был её единственный якорь.

— Альба, завтрак на столе. Выезжаем через пять минут, — донесся снизу сухой голос отца.

Она спустилась на стерильную, пахнущую новым ремонтом кухню. Фернандо уже сидел за столом с чашкой черного кофе. На нем была свежеотглаженная форма. Металлический жетон комиссара на груди отражал солнечные блики, слепя глаза.

— Удачи в первый день, — он на мгновение коснулся её плеча тяжелой, сухой ладонью. В его мире это было высшим проявлением нежности. — Помни, Альба: ты здесь чужая, пока не докажешь обратное. Просто делай то, что у тебя получается лучше всего — учись и соблюдай правила. В этом городе правила будут менять именно мы.

Элитный институт Марбельи находился в живописном месте среди пальм, но Альбе он показался неприступной, холодной крепостью. Огромные кованые ворота, толпы подростков в дорогих брендах, смех, разлетающийся по парковке, как искры от костра.

Фернандо высадил её у самого центрального входа. Его тяжелый черный полицейский внедорожник с затемненными стеклами и выпирающим кенгурятником привлек внимание мгновенно. Разговоры у ворот утихли, точно по щелчку. Десятки пар глаз — надменных, сытых, враждебных — уставились на Альбу, когда она ступила на асфальт.

— Смотрите-ка, теперь нас на уроки на конвойных машинах привозят… — раздался громкий шепот из группы парней у лестницы.

— Дочка нового крысиного короля из Мадрида, — откликнулся другой голос. — Того самого комиссара, что приехал наводить тут свои порядки.

«Дочка фараона», — читала Альба в их колючих взглядах. Воздух вокруг неё мгновенно загустел от отчуждения. Отличное начало для того, кто хотел стать невидимкой и тихо дожить до совершеннолетия.

Она шла к главному входу, глядя себе под ноги и до судороги сжимая лямки рюкзака. Но пространство внезапно прошил звук, который заставил толпу во дворе вмиг замолчать.

Низкий, утробный рокот. Свист турбины, переходящий в ультразвуковой визг, от которого задрожали стекла в здании.

На парковку, вплотную пройдя перед бамперами чужих машин и абсолютно игнорируя ограничители скорости, влетела иссиня-черная Nissan Silvia S15. Она выглядела как хищный

зверь среди травоядных: расширенный кузов в агрессивном углепластиковом обвесе, карбоновый капот и разноширокие диски, слепяще сверкающие под южным солнцем. Это была не просто машина — это был инженерный шедевр, заставлявший сердца местных любителей скорости биться чаще.з

Машина замерла в безупречном, филигранном заносе, подняв облако серой пыли и запаха жженого каучука. Дверь со стороны водителя распахнулась, и из салона вышел Матео.

Он был воплощением всего, от чего Фернандо Кастель пытался оградить свою «правильную» дочь. Высокий, с широким разворотом плеч и лицом, которое казалось высеченным из камня, если бы не вечная, наглая ухмылка на губах. Темные волосы были небрежно взлохмачены, а на правой скуле белел едва заметный, тонкий шрам — метка тех, кто не привык вовремя тормозить перед опасностью. Простая черная футболка плотно обтягивала торс и открывала татуировки на предплечьях, но он носил её с таким видом, будто это был королевский плащ. Матео был не просто местным бунтарем — он был королем этого двора, и он прекрасно об этом знал.

С пассажирского сиденья выпорхнула девушка. Лусия. Высокая блондинка на опасных каблуках, в юбке, которая едва прикрывала бедра. Ее движения были отточены и нарочито демонстративны. Она тут же собственнически обняла Матео за талию, переплетя свои пальцы с его, и одарила присутствующих взглядом королевы, осматривающей слуг.

Альба замерла у края тротуара. Внутри всё сжалось от странного, забытого чувства. Она не хотела смотреть на Матео, но её взгляд — профессиональный, тренированный в мадридских гаражах вместе с Хави — невольно зацепился за передний бампер его «Ниссана».

Когда пара проходила мимо, Альба, сама того не ожидая, тихо, но отчетливо произнесла в тишину:

— Garrett G30? Для такой жары твой интеркулер — просто кусок мусора. Он задохнется раньше, чем ты доедешь до третьего поворота на горном серпантине.

Матео резко остановился. Разговоры во дворе окончательно затихли — тишина стала звенящей, опасной.

Он медленно снял зеркальные очки, и Альба физически почувствовала, как его внимание сфокусировалось на ней. Это было похоже на ударную волну. Его глаза — темные, с опасным золотистым отблеском — окинули её взглядом. Неторопливо, дерзко, сверху донизу.

Для него она выглядела идеальным воплощением всего, что он глубоко презирал: стерильный, правильный порядок Мадрида, полицейская указка. Белая рубашка с глухим воротничком была застегнута на все пуговицы, подчеркивая хрупкую шею и бледность кожи, которая казалась почти фарфоровой под безжалостным солнцем Андалусии. Темные волосы в строгом хвосте, классическая красота, холодная и неприступная.

Но когда его взгляд встретился с её глазами, Матео на мгновение замер. Это не были глаза напуганной папиной дочки. Огромные, цвета темного янтаря, они смотрели на него с таким ледяным вызовом и глубоким пониманием техники, что у него внутри вспыхнул странный, дикий азарт. В её осанке, в том, как она прямо стояла перед ним в своих начищенных лоферах, ощущалась скрытая, опасная сила.

Она выглядела как хрупкая фарфоровая кукла, внутри которой внезапно оказался стальной стержень.

— Прости, что? — Матео усмехнулся, сделав шаг к ней. Расстояние между ними сократилось до какого-то полуметра. Альба ощутила его парфюм — терпкую смесь сандала, дорогого табака, горького кофе и жженой резины. Этот запах накрыл её волной, заставив пульс мгновенно подскочить. — Мадридская принцесса разбирается в давлении наддува? Или папочка-комиссар научил тебя паре умных слов из протоколов обыска гаражей?

Альба не сделала и шага назад. Она стояла так близко, что видела, как на его шее пульсирует вена, видела золотинки в его радужке и ощущала исходящее от него сухое, электрическое тепло. На мгновение перед глазами вспыхнули воспоминания о ночном Мадриде, о гонках и о Хави, но образ Матео перед ней был совсем другим — в нем была хищная, неукротимая гравитация, от которой перехватывало дыхание.

— Мой отец тут ни при чем, — отрезала она. Голос прозвучал ровно, без единой дрожи, хотя внутри всё натянулось, как струна перед обрывом. — Просто бесплатный совет. Если хочешь быть первым в этом городе, следи за тем, чтобы твоя машина не задохнулась от собственного пафоса. Интеркулер — это сердце, Матео. А твое сейчас явно перегрето.

Их взгляды скрестились, словно клинки. На секунду между ними проскочила такая чистая, сконцентрированная искра, что воздух, казалось, затрещал от напряжения. В глазах Матео вспыхнуло нечто большее, чем злость, — это был узнающий, азартный отклик гонщика, встретившего равного.

— Эй! — резко вклинилась Лусия, почувствовав, как рука Матео в её пальцах слегка расслабилась. Ее голос прорезал тишину, как скальпель. — Матео, пойдём. Почему ты вообще слушаешь эту мадридскую замарашку?

Но Матео даже не повернул головы к Лусии. Он продолжал смотреть на Альбу, и его наглая ухмылка медленно таяла, сменяясь выражением глубокого, опасного любопытства.

Альба развернулась и пошла к дверям института, чувствуя, как каждый её шаг отдается в звенящем молчании парковки. В спину ей жглись десятки взглядов, но сильнее всего жгло осознание: она только что сама разрушила свою защиту.

Через десять минут Альба стояла у раковины в прохладном школьном туалете, опираясь руками на мраморный край и смывая пыль с ладоней. Дверь с грохотом распахнулась, отскочив от стены.

В зеркале отразилась Лусия. Она не шла — она наступала, чеканя шаг высокими каблуками по кафелю. Её идеальное лицо было искажено злостью, а в глазах металась настоящая паника. За годы в этой школе она привыкла быть единственной королевой рядом с Матео, но пятисекундный разговор у машины разрушил её иллюзию безопасности.

Лусия остановилась вплотную, блоком зажимая Альбу у раковины. От нее разило приторными, удушливыми духами с нотами ванили и туберозы.

— Слушай сюда, новенькая, — Лусия процедила слова сквозь зубы, швыряя их прямо в лицо Альбе. — Я не знаю, какую дешевую игру ты затеяла и какими терминами из интернета пытаешься произвести впечатление. Но Матео — это не твой уровень. Даже не смей открывать свой рот в его сторону. И уж тем более не смей касаться взглядом его машины.

Она больно, с силой ткнула пальцем с длинным, идеально выкрашенным ногтем в плечо Альбы — прямо туда, где под белой тканью рубашки прятался шрам от старого падения с байка.

— Послушай меня внимательно, дочка копа. Ты здесь никто. Твой отец — враг для половины этого города, а тебя все ненавидят еще до того, как ты открыла рот. Если ты еще хоть раз подойдешь к Матео или скажешь хоть слово про его «Ниссан», я сделаю так, что твоя жизнь превратится в ад. Ты будешь молить отца о переводе обратно в свой Мадрид. Ты меня поняла?

Альба медленно вытерла руки бумажным полотенцем. Она повернулась и посмотрела на Лусию — на её дрожащие от ярости губы, на натянутую улыбку и страх в глубине глаз. Страх проиграть той, кто даже не старался вступить в игру.

Внутри Альбы на секунду вспыхнул тот самый темный, холодный огонь, который когда-то заставлял её выжимать газ на ночных улицах. Но она лишь слегка наклонила голову, оглядев Лусию с ног до головы с ледяным спокойствием.

— Ты закончила? — тихо спросила Альба. — Мне пора на урок.

Она спокойно обошла застывшую от такой наглости Лусию и вышагнула в коридор, оставив её в гулкой тишине туалета.

Но едва дверь за ней закрылась, Альба спрятала руки в карманы юбки. Пальцы мелко, неудержимо дрожали. Не от страха перед избалованной местной девчонкой. А от адреналина, который впервые после гибели матери хлынул по её венам, заставляя сердце биться часто и больно.

Глава 3. Геометрия напряжения

Кабинет правоведения в Институте Марбельи-дель-Сур больше напоминал зал судебных заседаний, чем школьный класс. Высокие потолки, отделанные темным деревом, узкие окна, сквозь которые полосы пыльного андалусского солнца падали на дубовые парты, и тяжелый, почти осязаемый запах старой кожи, лака и формалина. На стенах в строгих рамках висели портреты великих юристов прошлого, чьи застывшие взгляды, казалось, препарировали каждого, кто осмеливался переступить этот порог.

Сеньор Родригес соответствовал своему кабинету на все сто процентов. Это был человек неопределенного возраста с лицом, напоминающим помятый пергамент, и глазами, видевшими слишком много лжи на своем веку. Он поправил на переносице старомодные очки в роговой оправе и жестом, больше похожим на приказ конвоира, подозвал Альбу к доске.

— Прошу внимания, господа, — его голос, сухой и скрипучий, как несмазанные дверные петли, мгновенно оборвал гул голосов. — У нас пополнение. Альба Кастель. Перевелась к нам из Мадрида, из лицейского корпуса при университете Комплутенсе. Прошу любить и жаловать.

По классу прошел шелест — это были не приветствия, а звуки оценивающего сканирования. Альба стояла у доски, выпрямив спину так, словно внутри неё вместо позвоночника был залит свинец. Она чувствовала, как десятки глаз изучают её белую блузку, тугой хвост и бесстрастное, почти восковое лицо.

— Альба — круглая отличница, — продолжал Родригес, и в его сухом голосе проскользнула едкая, поучительная нотка. — Я надеюсь, что её академические успехи станут для многих из вас отрезвляющим примером. Особенно для тех, кто упорно путает школьную парковку с полигоном для испытания металлолома.

В центре класса раздался отчетливый, вызывающий смешок. Альба перевела взгляд и наткнулась на Матео. Он сидел на среднем ряду, вальяжно откинувшись на спинку стула и закинув ногу на колено. Его расслабленная, насквозь пренебрежительная поза была вызовом самому духу этого кабинета. Рядом с ним, по-хозяйски положив тонкую ладонь с безупречным ярко-красным маникюром ему на плечо, сидела Лусия. Она демонстративно разглядывала свои ногти, даже не поднимая головы на новенькую, показывая, насколько та ниже её уровня.

— Садись на свободное место, Кастель, — Родригес взмахом руки указал на парту в третьем ряду.

Прямо за спину Матео.

Альба прошла между рядами, стараясь не задевать рюкзаком чужие столы. Когда она опустилась на стул и открыла тетрадь, её ноздрей мгновенно коснулся густой, дурманящий шлейф: дорогой терпкий сандал, перемешанный с едва уловимым, дразнящим запахом высокооктанового бензина и жженой резины. Матео сидел настолько близко, что она физически ощущала исходящий от него жар. Каждая линия его широких плеч, чуть приподнятый воротник черной футболки и темные пряди волос на затылке были перед глазами.

Прошло всего минут пятнадцать, когда Родригес увлеченно углубился в схему гражданского процесса на доске, как Лусия за спиной Альбы демонстративно громко вздохнула. Она подняла руку, пролепетала жалобным, сочащимся фальшью голосом что-то про «невыносимую мигрень» и, получив сухой кивок учителя, плавно выплыла из класса.

Как только щелкнула дверь, воздух вокруг Альбы резко уплотнился, наэлектризовавшись до предела.

Скрипнул стул. Матео медленно, с ленивой, хищной гравитацией обернулся, перекинув локоть через спинку сиденья. Его лицо оказалось в каких-то сантиметрах от её парты. В его темных глазах плескался опасный, почти осязаемый азарт.

— Мадридская отличница, значит? — его голос был тихим, бархатным рокотом, предназначенным исключительно для неё. — Юрист в идеальной подарочной упаковке. Скажи мне, Альба Кастель... в каких таких кодексах ты вычитала про турбины и перегретые интеркулеры? Или папочка-комиссар берет тебя с собой на ночные облавы?

Альба даже не вздрогнула. Её рука продолжала ровно и четко выводить строчки конспекта, хотя кончики пальцев внутри замерзли.

— В тех же самых, Матео, где прописаны статьи за создание аварийных ситуаций и организацию нелегальных гонок в черте города, — не глядя на него, тихо ответила она. — Хочешь составить компанию прокурору и обсудить сроки?

Матео тихо усмехнулся. В его взгляде мелькнула искра подлинного восторга — он явно не ожидал такого холодного отпора от «правильной» девочки.

— А у тебя острые зубки, мадридская принцесса, — он подался вперед еще ближе, игнорируя бубнеж учителя у доски. Его дыхание коснулось её виска. — Откуда такая осведомленность? Девочки твоего круга обычно падают в обморок от вида моторного масла. Кто тебя просветил? Бывший парень, который пытался впечатлить тебя на старой колымаге?

Альба медленно подняла голову. На секунду их взгляды столкнулись в упор. В её янтарных глазах была такая ледяная, непроницаемая глубина, что наглая ухмылка Матео на мгновение дрогнула.

— Книги, Матео. В них гораздо больше полезной информации, чем в твоем дешевом позерстве на парковке. А теперь повернись к доске — твоя широкая спина загораживает мне всю доску.

Он прищурился, в его груди глухо звякнуло раздражение, смешанное с липким желанием пробить эту ледяную броню. Но в этот момент скрипнула дверь, и в класс вернулась Лусия. Матео мгновенно отвернулся, приняв скучающий вид, но воздух между ними остался раскаленным добела.

На перемене в коридорах Альба случайно услышала шепотки местной компании:

— ...сегодня в два ночи у маяка на старой трассе за Ла-Кала. Приедет псих из Малаги на «Скае». Матео выставил «Сильвию».

— Если только его движок не задохнется, как сказала та мадридская замарашка, — хмыкнул кто-то, но тут же заткнулся, увидев Альбу.

Она ускорила шаг в сторону столовой. Заброшенная трасса за Ла-Кала. Это была территория, которую её отец намеревался очистить первой.

Столовая института напоминала раскаленный гудящий улей. Огромные стеклянные стены пропускали безжалостное андалусское солнце, которое слепяще дробилось в глянцевых подносах и накрахмаленных воротниках местной элиты. Запах дорогого парфюма смешивался с ароматами свежей выпечки и кофе.

Альба стояла с подносом в руках, чувствуя спиной сотни негласных взглядов. Свободных мест было полно, но стоило ей сделать шаг к любому из столов, как сидевшие за ними подростки демонстративно сдвигались плотнее или бросали на соседний стул сумки.

Она заметила Матео. Он сидел в центре зала в окружении своей свиты, лениво подбрасывая в пальцах ключи от машины. Рядом примостилась Лусия. Её лицо мгновенно окаменело, когда она заметила, куда именно смотрит Альба. Ревность в глазах Лусии вспыхнула ярким, грязным пламенем — она видела утреннюю переглядки у «Сильвипы» и теперь ждала повода уничтожить выскочку.

Когда Альба попыталась пройти мимо их стола к отдаленному углу, Лусия резко вытянула ногу в проход.

Носок туфли Альбы с размаху зацепился за преграду. Поднос качнулся, вода в стакане плеснула на край, а тарелка едва не вылетела из рук. В зале мгновенно повисла предвкушающая, злорадная тишина. Кто-то уже вытащил телефон.

Альба чудом удержала равновесие, вцепившись в бортики подноса. Колено пронзила острая боль от удара о ножку чужого стула, но она не позволила себе издать ни звука.

Лусия картинно всплеснула руками, громко сказав на весь зал:

— Ой! Боже мой, прости, замарашка! Я тебя совсем не заметила. Ты такая серая и бесцветная, что просто сливаешься со стенами. Надеюсь, ты не ушибла свои драгоценные коленки? Папочка-комиссар ведь сильно расстроится, если его девочка вернется домой в слезах.

По рядам прокатился громкий, унизительный хохот.

Альба медленно выпрямилась. Внутри неё поднялась волна обжигающего, чистого гнева, но на лицо она надела маску абсолютного, ледяного равнодушия. Она посмотрела на Лусию — на её искривленный злобой рот, а затем перевела взгляд на Матео.

Он смотрел на неё в упор. На его лице не было и тени смеха. В его глазах читалось жгучее раздражение на Лусию и глухое, уважительное изумление перед выдержкой этой девчонки. Их взгляды снова сцепились, создавая вокруг них невидимый вакуум.

Ничего не сказав, она прошла к дальнему окну, игнорируя смешки, вытерла салфеткой юбку и осталась стоять спиной к залу, глядя на раскаленную парковку. Внутри разгорался ледяной, знакомый огонь.

Вечер в их новом доме встретил Альбу звенящей, стерильной тишиной. На кухне пахло жареным луком и специями — Фернандо готовил ужин. Он уже снял форменный китель, оставшись в белоснежной рубашке с закатанными до локтей рукавами, обнажающими крепкие, покрытые шрамами предплечья.

— Как прошел первый день в институте, Альба? — спросил он, не оборачиваясь от плиты. Его голос звучал ровно, но в нем пробивались нотки усталого контроля.

— Нормально, папа. Привыкаю к местным порядкам, — Альба опустилась на стул, стараясь спрятать под столом ушибленное колено.

Фернандо выключил конфорку, повернулся и внимательно, по-полицейски цепко посмотрел на дочь. В его глазах читалась смесь отцовской тревоги и суровой требовательности.

— Адаптация дается нелегко? Местные мажоры пытаются задирать нос? Помни, кто ты и кто твой отец. Если кто-то перейдет черту... просто скажи мне. В этом городе закон буду устанавливать я, а не сынки местных коррупционеров.

— Все настороженно относятся к мадридцам. Тем более к дочери комиссара, — тихо ответила она. — Им нужно время. А мне — покой.

Фернандо вздохнул, усаживаясь напротив и пододвигая к себе тарелку. На секунду в его глазах промелькнула тень человеческой боли — та самая рана от потери жены, которую они оба пытались залить бетоном работы и правил.

— Скоро станет легче. В участке сейчас горячо, но мы зачистим эту дыру. Говорят, местная шпана совсем распоясалась — устраивают заезды по ночам на побережье. Сегодня ночью как раз перекрываем трассу у маяка. Покончим с этим раз и навсегда.

Альба замерла. Ложка в её руке тихо звякнула о край тарелки. Трасса у маяка. Два часа ночи. Именно там сегодня Матео выведет свою черную «Сильвию» против зверя из Малаги. И именно там её отец намерен устроить жесткую облаву.

— Разве это... так опасно? — тихо спросила она, стараясь сделать голос безразличным.

— Это преступно, — жестко отрезал Фернандо, и в его глазах снова вспыхнул тот самый ледяной металл комиссара. — И те, кто гоняет по ночам, играют со смертью. Я не позволю никому превратить этот город в полигон для самоубийц.

«Ты не понимаешь этот город»,— мысленно ответила она ему. И ушла в свою комнату.

Поднявшись в спальню, она заперла дверь на замок.

Альба открыла ноутбук и быстро напечатала сообщение в чат, уставившись на мерцающий курсор.

Кому: *Хави*

Текст:*«Здесь всё по-другому, Хави. Воздух пахнет солью и бензином, но здесь всё мертвое. Я сижу в белой комнате, и мне кажется, что я в камере. Папа собирается „чистить“ город, он даже не представляет, что здесь происходит на самом деле.*

Скажи мне, что в Мадриде всё еще идет дождь и кто-то всё еще жжет резину на Кастельяне. Мне нужно знать, что старая жизнь не была сном.

И еще, Хави. Моя просьба перед отъездом, помнишь? Нужно её выполнить в ближайший срок. Мне нужно, чтобы она была здесь. Как можно скорее».

Ответ пришел почти мгновенно, разрезая тишину комнаты резким вибросигналом:

«Запрос принят. Жди доставку в короткие сроки. Альба, будь осторожна. То, что ты просила… это изменит всё. Ты уверена, что готова снова вскрыть этот шрам?»

Альба выключила экран. Она подошла к окну и прижалась лбом к прохладному стеклу. Где-то там, за двадцать километров от её белой стерильной комнаты, Матео выводил из гаража свою «Сильвию», настраивая турбину на выживание. А внутри Альбы впервые за три месяца бился не страх, а жажда скорости, которую она слишком долго пыталась убить.

Глава 4. Тень у маяка

Марбелья в два часа ночи превращалась в призрак, сотканный из черного бархата, лунного света и глухого шепота прибоя. Шум Средиземного моря был единственным живым звуком, перекрывающим сухое стрекотание цикад в безупречно выстриженных садах закрытого офицерского квартала.

Альба сидела на краю кровати в полной темноте. Она не включала свет уже пару часов, позволив мраку поглотить комнату. В доме царила звенящая, напряженная тишина: Фернандо Кастель еще с вечера уехал в ночной патруль, решив лично возглавить засаду и перекрыть центральные въезды на южное шоссе. Комиссар спал и видел, как зачистит этот город, будучи абсолютно уверенным, что его «правильная» дочь в безопасности спит в своей закрытой спальне. Он не догадывался, что его главная уязвимость прямо сейчас затягивает тугие шнурки на тяжелых кроссовках.

Сменив школьную юбку на узкие черные джинсы, Альба накинула безразмерное худи Хави — его плотный капюшон мог надежно скрыть половину лица. В глубоком кармане покоился флакон маминых духов — её единственный талисман, запах которого напоминал о том, что когда-то у нее был настоящий дом.

Она подошла к окну. Второй этаж. Для девочки, привыкшей жить по часам, это казалось актом безумия. Но для Альбы, с детства учившейся просчитывать траектории вместе с ребятами из мадридских гаражей, прыжок был лишь простой задачей по физике.

Натянув капюшон, она осторожно перемахнула через подоконник. Прохладный, влажный ночной воздух мгновенно обожег лицо. Стараясь не шуметь, Альба нащупала носком узкий выступ декоративной каменной кладки и соскользнула вниз по водосточной трубе. Приземление на гравий получилось мягким, почти бесшумным.

Она прокралась к калитке, скрываясь в тени туй, и выскочила на дорогу. Сердце колотилось в бешеном ритме, но движения оставались холодными и точными.

Заранее заказанное такси ждало ее у закрытой, погруженной во мрак заправки в двух кварталах от дома. Водитель — пожилой испанец с уставшим лицом и едким запахом дешевого табака в салоне — даже не повернул головы, когда она скользнула на заднее сиденье.

— К старому шоссе за Ла-Кала. К развилке у маяка, — тихо, но твердо произнесла она.

Водитель хмыкнул, бросив быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

— Там сегодня жарко, сеньорита. Говорят, новые городские копы шерстят центр, так что вся шпана сбежалась к скалам. Но если патрули доберутся до тупика — я вас ждать не стану. Лицензия дороже.

— Просто вези, — отрезала Альба, уткнувшись в окно.

Чем дальше они уезжали от отглаженных кварталов, тем гуще становилась тьма. Старое прибрежное шоссе змеилось между скал, пока впереди не замаячило светящееся марево — отсвет сотен фар, прорезавших южную ночь.

Такси высадило ее на повороте. Альба пошла пешком по обочине, растворяясь в тени диких бугенвиллей. Воздух здесь не просто пах — он вибрировал. Низкочастотный рокот турбин и раскатистый бас выхлопных систем прошивали землю, отдаваясь в подошвах.

Выйдя на площадку перед заброшенным складом на самом краю обрыва, Альба на секунду замерла. Это была совсем другая Марбелья. Без законов, полицейских протоколов и фальшивых улыбок. Сотни машин — от заряженных «Сеатов» до дорогих спорткаров — выстроились в ровные ряды, образуя живой коридор из света фар и неоновой подсветки. В воздухе стоял плотный туман из дыма сигарет, испарений алкоголя и едкого, сочного запаха жженой резины.

В самом центре этого хаоса, под светом галогеновых прожекторов, стояла иссиня-черная *Nissan Silvia S15*. Машина выглядела хищно, агрессивно, поблескивая углепластиком в лучах света.

Матео стоял у капота, скрестив руки. На нем была черная футболка, подчеркивающая рельеф мышц, а резкие черты лица в свете неона казались высеченными из гранита. Он смотрел на дорогу — туда, где на стартовой линии прогревал мотор его сегодняшний соперник, серебристый *Nissan Skyline R34*с номерами Малаги.

Лусия вилась рядом, что-то горячо нашептывая ему на ухо и то и дело хватая за руку, но Матео даже не поворачивался к ней. Его пальцы нервно выбивали дробь на кожаном рулевом колесе, вынесенном через окно.

Альба натянула капюшон до самого носа и проскользнула в толпу, остановившись в паре метров от них.

— Эй, Матео! — донеся выкрик из гущи зрителей. — Твой интеркулер еще не сгорел? Мадридская святоша случайно не накаркала тебе беду?!

Толпа зашумела, взорвавшись хохотом. Матео выудил из кармана зажигалку и прикурил сигарету. Огонек на мгновение осветил его сжатые челюсти и темные, горящие яростью глаза.

— Девчонка слишком много о себе возомнила, — процедил он сквозь зубы, и в его голосе проскользнула дерзкая, едкая досада. — Но сегодня я покажу этому выскочке из Малаги, кто держит серпантин.

Он швырнул окурок на асфальт и запрыгнул в салон. Дверь «Сильвии» глухо захлопнулась. Сквозь тонированное стекло Альба видела, как он на мгновение зажмурился, вцепившись пальцами в руль. В этот миг он не был школьным королем. Он был частью опасного, хрупкого механизма.

«Сильвия» и «Скайлайн» выкатились на стартовую черту. Ревущий, надрывный свист турбин стал невыносимым, он бил в барабанные перепонки, заставляя воздух сжиматься.

Альба смотрела на задние фонари «Сильвии». Она видела, как машина Матео просела на заднюю ось, готовая к прыжку. Её глаз мгновенно выхватил деталь: напор слишком высокий, смесь слишком богатая.

«Ты спалишь его, дурак, — пронеслось у неё в голове, и пальцы в карманах худи сжались в кулаки. — На этом подъеме при такой жаре интеркулер задохнется на третьей передаче».

Платок упал. Старт.

Машины сорвались с места, высекая искры и оставляя густой шлейф жженого каучука. Толпа взревела. Красные огни стремительно ушли в темноту крутого горного серпантина, ведущего к правому крылу маяка.

Прошло пять бесконечных, звенящих минут. В толпе нарастало шептание.

Первым из мрака вынырнул серебристый «Скайлайн». Он пролетел черту, победно взревев мотором. Зрители ахнули. Парень из Малаги выскочил из салона, вскидывая руки под крики своей команды.

Спустя томительные двенадцать секунд показалась «Сильвия». Звук её двигателя был рваным, чихающим, словно машина давилась собственным дымом. Она едва докатилась до финиша и встала в стороне. Из-под карбонового капота повалил густой, белый пар.

Альба видела, как Матео выскочил из салона, с размаху хлопнув дверью так, что едва не вылетели стекла. Лицо его было бледным от захлестнувшего унижения, а на скулах ходили желваки.

Лусия тут же бросилась к нему, пытаясь обнять за талию:

— Матео, милый, да брось ты! Это просто глупая железка...

— Отвали, Лусия! — грубо рявкнул он, отпихивая её локоть с такой силой, что девушка едва удержалась на каблуках.

К машине уже подбежал Карлос, главный механик команды, и в ужасе заглянул под дымящийся капот.

— Проклятье, Матео! Я же говорил тебе про температуру! Интеркулер не выдержал наддува, воздух стал раскаленным, датчики сбросили мощность! Ты задохнулся прямо перед вершиной!

— Заткнись, Карлос! — Матео со всей силы ударил кулаком по крылу «Сильвии». Металл глухо отозвался. Голос парня сорвался от душащего гнева. — Мы все проверяли! Она должна была выдержать!

Победитель из Малаги подошел ближе, откровенно усмехаясь:

— Отличная попытка, Матео. Твоя тачка — просто конфетка. Только вот едет она до первого серьезного подъема.

Матео сделал шаг вперед, его кулаки сжались до хруста костяшек. В воздухе пахнуло дракой.

— Ты ходишь по тонкому льду, кусок дерьма, — низко, оскалившись, выплюнул Матео.

— Эй, хорош! Копы на хвосте! — закричал кто-то с вышки. — Патрули пробили блокпост на нижней дороге, у нас три минуты!

На площадке начался хаос. Толпа мгновенно хлынула к своим машинам, моторы взревели, выхлопные газы затянули площадку.

Альба не стала ждать. Повернувшись спиной к суматохе, она быстро пошла по тропинке в сторону леса, скрываясь в темноте. Она была права. Каждый ее расчет оказался верным. Но внутри не было триумфа — только звенящее, опасное чувство неизбежности.

Когда рев уезжающих машин затих вдали, а неоновые прожекторы погасли, на опустевшей площадке у маяка остались только Матео и Карлос. «Сильвия» остывала с тихим, металлическим треском.

Лусия уехала на машине подруги, забившись в истерике после того, как Матео отрезал: *«Убирайся, Лусия. Нам не о чем говорить»*.

Матео сидел на пыльном капоте своей разгромленной машины, свесив голову и впившись пальцами в темные волосы. От него разило дымом и поражением.

— Патрульные проехали мимо по нижнему шоссе, — тихо сказал Карлос, пряча гаечный ключ в сумку. — Нам повезло, комиссар Кастель искал нас у развилки. Но «Сильвии» нужен ремонт. Блок цел, но интеркулер и патрубки в хлам.

Матео молчал. В его голове, заглушая шум волн о скалы, раз за разом звучал спокойный, высокомерный голос мадридской новенькой: *«Garrett G30? Твой интеркулер — просто кусок мусора. Он задохнется раньше, чем ты доедешь до третьего поворота»*.

— Она знала, — вдруг выдохнул Матео в темноту. Его голос был полон яростью.

— Кто? — не понял Карлос.

Матео резко поднял голову. В его глаза, затуманенных гневом и уязвленным тщеславием, вспыхнул опасный, дикий огонь.

— Эта чертова мадридская отличница. Дочка копа. Она просчитала мою машину за пять секунд. С одного взгляда.

Карлос застыл, неверующий уставившись на друга:

— Ты про новенькую Кастель? Да ладно тебе, Матео. Ей просто повезло. Она ведь типичная папина дочка в крахмальном воротничке!

— Она не папина дочка, — тихо отрезал Матео, вставая с капота. В его движении снова появилось хищное напряжение. Он вспомнил ледяной янтарный взгляд Альбы и то, как спокойно она стояла перед ним. — Ни одна папина дочка не знает, как ведут себя турбины на высотной жаре. Она насмехалась надо мной, Карлос. И она оказалась права.

Он сжал кулак так, что ногти вонзились в ладонь. Утренняя встреча в институте обещала стать очень интересной. Король Марбельи не умел проигрывать, но еще меньше он умел прощать тех, кто видел его слабость.

Глава 5. Точка кипения

Солнечный свет едва пробивался сквозь плотные жалюзи в кухне. В доме стоял запах свежесваренного эспрессо и поджаренных тостов — стерильный, правильный запах утра, в котором не было места аромату жженой резины и бензиновому чаду.

Фернандо Кастель сидел за столом, не сняв форменной портупеи. На его лбу залегли глубокие тени усталости, а глаза были налиты кровью после бессонной ночи. Он медленно размешивал сахар в чашке, и серебряная ложечка тихо звякала о фарфор — единственный звук, нарушавший тишину.

Альба спустилась по лестнице, уже собранная, в идеально выглаженной школьной блузке и темной юбке. Её движения были точными, но пальцы всё еще помнили холод водосточной трубы и вибрацию земли у маяка.

— С добрым утром, пап, — тихо произнесла она, садясь напротив и наливая себе воду.

Фернандо поднял тяжелый взгляд.

— Доброе, — его голос прозвучал сухо и хрипло. Он сделал глоток и качнул головой. — Черт бы побрал этот город.

Альба замерла с стаканом у губ, стараясь, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул.

— Что-то случилось на патрулировании?

— Эти уродцы как будто сквозь землю провалились, — жестко выдохнул Фернандо, сжав чашку так, что побледнели костяшки. — Мы перекрыли нижнее шоссе у развилки. Прижали их к самому тупику за Ла-Калой. Но у них, похоже, свои информаторы. Зачистили площадку за три минуты до нашего прихода. Ни одной машины, только следы шин да мусор.

Альба опустила глаза, делая вид, что рассматривает прозрачную гладь воды. Внутри нее всё сжалось. Папа был в шаге от них. Если бы не тот выкрик с вышки, прожектор его патрульной машины осветил бы и «Сильвию», и саму Альбу, прячущуюся в тени бугенвиллей.

— Значит... никого не поймали? — осторожно спросила она.

— Никого, — отрезанно ответил отец, поднимаясь из-за стола и поправляя кобуру. — Но это ненадолго. Я навел справки. За этими заездами стоят дети местной верхушки. Сынки бизнесменов, властных чиновников. Они думают, что Марбелья — их личный трек. Ошибаются. Завтра я вызову наряд из Малаги, сделаем перехват по всему серпантину. Собирайся, я отвезу тебя в институт. Мне как раз по пути в управление.

Служебный «Форд» комиссара катил по улицам Марбельи, разрезая утреннее марево. Альба смотрела в окно на проплывающие пальмы и виллы. Отец молчал, сжимая руль обеими руками в положении «десять и два» — по инструкции, как и всегда. Он не подозревал, что сидящая рядом «правильная» дочь прямо сейчас прокручивает в голове не параграфы из учебника правоведения, а точный расчет детонации в перегретом моторе Матео.

— Ты бледная, Альба, — не поворачивая головы, заметил Фернандо, когда машина остановилась у ворот Института Марбельи-дель-Сур. — Плохо спала?

— Всё хорошо, пап. Просто адаптируюсь.

— Если кто-то в этой школе попытается тебя задеть — ты сразу говоришь мне, — сурово напомнил он, глядя на величественное здание из белого камня. — Поняла?

— Поняла. До вечера.

Альба вышла из машины, услышав, как за её спиной взревел мотор полицейского «Форда». Она сделала глубокий вдох, натянула лямку рюкзака и шагнула на школьный двор.

Утро в институте началось с гула, который Альба почувствовала еще на подходе к главному входу. Едва тяжелые дубовые двери за ней закрылись, разговоры в холле мгновенно затихли, чтобы через секунду вспыхнуть с новой, ядовитой силой.

Шепотки змеились по коридорам, ударяясь о кафельные стены и возвращаясь к ней искаженным эхом.

— Смотрите, идет наша гадалка...

— Говорят, вчера у маяка видели тень в капюшоне.

— Специально накаркала Матео неудачу, чтобы папочка-комиссар был доволен.

Альба шла к своему шкафчику, глядя прямо перед собой. Её лицо было непроницаемой маской, хотя внутри каждый шепот отзывался ударом молота. Она чувствовала себя дичью, на которую объявили сезон охоты, но шаг оставался твердым и чеканным.

Гул в холле внезапно сменился на низкий, вибрирующий шум. В дверях появился Матео.

Парень выглядел так, будто прошел сквозь ад: темные тени под глазами, сжатые челюсти, всклокоченные черные волосы и тяжелая аура чистой, концентрированной ярости. Лусия шла рядом, мертвой хваткой вцепившись в его локоть. Она что-то быстро и жарко зашептала ему на ухо, пытаясь погладить его руку, но Матео даже не повернул головы. Его взгляд, острый и тяжелый, как свинец, уже нашел свою цель в конце коридора.

Увидев Альбу, он резко ускорился. Лусия едва не споткнулась на своих высоких каблуках, когда он буквально стряхнул её пальцы со своего рукава, как назойливую муху.

— Матео, подожди! Не обращай внимания на эту мадридскую дрянь! — выкрикнула Лусия, но голос её утонул в гуле толпы.

Матео шел прямиком к Альбе. Учащиеся расступались перед ним, образуя живой коридор.

Альба как раз доставала тетради, когда темная тень накрыла её. Она медленно повернулась, и в этот момент между ними будто проскочил электрический разряд.

— Ты! — выплюнул он, останавливаясь в шаге от неё. Из него разило табаком, перегретым металлом и бессонной ночью. — Откуда ты знала? Отвечай! Это ты подстроила? Кто-то из легавых твоего отца залез под капот моей машины?!

Альба почувствовала, как внутри закипает ответная волна. Она не собирается быть мишенью для его уязвленного эго. Выпрямившись, она посмотрела на него снизу вверх, и её янтарные глаза сверкнули так холодно и ярко, что стоявшие рядом подростки невольно отшатнулись.

— Твое раздутое эго мешает тебе видеть очевидное, Матео, — её голос прозвучал отчетливо, разрезая шум коридора. — Твоя машина сдохла не из-за копов, а из-за твоей тупости. Ты выжал из неё всё на подъеме, не позаботившись о банальном охлаждении. Дилетант с амбициями короля — вот кто ты на самом деле.

В коридоре повисла мертвая тишина. Похолодевшая Лусия, подбежавшая к ним, замерла с открытым ртом.

Матео дернулся, словно от пощечины. На его скулах заиграли желваки, а в глазах вспыхнул опасный, дикий блеск.

— Закрой рот, — процедил он.

Прежде чем кто-то успел моргнуть, он железной хваткой впился в её предплечье. Прямо рядом со шкафчиком Альбы находилась тяжелая дубовая дверь технической подсобки. Матео рванул ручку на себя и с силой втащил Альбу внутрь, заходя следом и с грохотом захлопывая дверь перед самым носом ошеломленной толпы.

В подсобке было темно и тесно. Пахло старой медью труб, хлоркой и пылью.

Матео одним движением впечатал Альбу спиной в стену. Его рука с грохотом ударилась о бетон рядом с её головой, перекрывая любой путь к выходу. Он наклонился так близко, что между их лицами оставалось буквально пару сантиметров. Альба физически ощущала исходящий от него жар и прерывистое, горячее дыхание.

— Теперь повтори это мне в лицо, — прошептал он с злой, ехидной усмешкой. Его пальцы на её руке сжались чуть сильнее, но Альба даже не поморщилась. — Повтори, что я дилетант. Расскажи мне, что «правильная» мадридская отличница делала вчера ночью у маяка? Я видел твою тень, Альба. Твой капюшон не спас тебя. Ты пришла поглазеть на моё поражение?

Альба ощущала кожей это опасное, давящее присутствие. Его близость была удушающей, но она не отвела взгляды. Напротив, она сделала едва заметный шаг вперед, так что их дыхание перемешалось.

— Я пришла убедиться в своих расчетах, — прошептала она в ответ, и её голос был режуще холодным. — И я оказалась права. Ты предсказуем, Матео. И твои попытки запугать меня в этой каморке — тоже. Тебе просто страшно, потому что я единственная в этом городе, кто видит тебя настоящего. Не короля серпантина, а мальчишку, который ломает свои игрушки.

Глаза Матео опасно сузились. Взгляд его прошелся по её губам, по вздрагивающим от адреналина ноздрям. Воздух в тесной подсобке наэлектризовался до предела, став тяжелым и густым.

— Ты даже не представляешь, во что ввязалась, отличница, — выдохнул он ей в самые губы, и в его голосе проскользнула темная, угрожающая нотка. — В этом городе я не проигрываю дважды.

— Тогда тебе стоит начать учиться, — парировала она, чеканя каждое слово. — Пока твое «королевство» не превратилось в кучу мусора на обочине.

Дверь подсобки неожиданно распахнулась с оглушительным треском.

Матео отшатнулся от Альбы и выскочил наружу первым, едва не сбив с ног толпящихся в коридоре зевак. Его лицо было бледным, челюсти сжаты до хруста, а взгляд — диким и расфокусированным, словно он только что пережил внутренний взрыв.

Прямо перед дверью стояла Лусия. Ее лицо исказила судорога бешенства и дикой, удушливой ревности.

— Матео! Какого черта?! Что ты с ней там делал?! — визгливо закричала она, пытаясь перехватить его за руку.

Но Матео даже не посмотрел на неё. Он резко вырвал локоть и, не произнеся ни слова, быстро пошел прочь по коридору, расталкивая учеников.

Альба вышла следом. Она медленно поправила воротничок блузки, хотя пальцы всё еще мелко дрожали от случившегося адреналина.

Лусия тут же перерезала ей дорогу, заступив путь вместе со своей привычной свитой. Ее глаза горели настоящей ненавистью, а безупречный макияж казался маской на искаженном яростью лице.

— Стой на месте, мадридская дрянь! — задыхаясь от ревности, прошипела Лусия. Пальцы с ярко-красными ногтями сжались в кулаки. — Ты думаешь, если ты заперлась с ним в каморке, то стала особенной?! Ты думаешь, он на тебя клюнул?!

Альба остановилась и посмотрела на нее с усталым превосходством.

— Мы просто разговаривали, Лусия. Твой парень плохо понимает физику моторов, пришлось объяснить на пальцах.

— Закрой свой рот! — Лусия шагнула вперед, ткнув пальцем Альбе в грудь. — Я тебя предупреждала. Матео — мой! А ты для него — просто заноза в заднице, способ досадить твоему папаше-копу! Еще раз подойдешь к нему — и твоя жизнь здесь превратится в ад!

Альба осторожно, но с ледяной силой отвела ее палец от своей груди.

— Если ты так в нем уверена, почему ты так дрожишь? Твой страх пахнет сильнее, чем твои духи, Лусия.

Лицо «королевы» пошло красными пятнами.

— Ты пожалеешь, Кастель, — прошептала она со слезами бессильной ярости на глазах. — Ты будешь умолять отца вернуть тебя в Мадрид. С сегодняшнего дня ты в этой школе — пустой место.

Следующим уроком была экономика. В кабинете царил шепотный хаос. Альба сидела на своем привычном месте у окна, стараясь сосредоточиться на графиках спроса и предложения.

Лусия сидела на первом ряду. Она выглядела как натянутая струна, то и дело оглядываясь на пустующее место Матео. Каждое движение Лусии выдавало скрытую бурю: она то ломала грифель карандаша, то нервно поправляла идеальные локоны, сжигаемая ревностью и унижением.

Прошло пятнадцать минут от начала занятия, когда тяжелая дверь кабинета с грохотом распахнулась.

Матео вошел внутрь, проигнорировав замечание учителя об опоздании. Его куртка была расстегнута, в глазах все еще тлел утренний огонь. Взгляд его быстро просканировал аудиторию.

Лусия мгновенно расплылась в приторной улыбке и демонстративно сдернула свою сумочку с соседнего стула, освобождая ему место. Она ждала, что он сядет рядом, покажет всем, что утренняя сценка была лишь недоразумением.

Но Матео даже не повернулся в её сторону.

Он целенаправленно прошел в самый конец класса. Весь ряд замер. Гул голосов мгновенно стих, когда Матео остановился прямо перед партой Альбы. Одним резким движением он отодвинул стул рядом с ней и сел, с грохотом бросив рюкзак на пол.

По классу пробежала волна шока. Кто-то прикрыл рот рукой, кто-то вытаращил глаза.

Альба замерла, не донеся ручку до тетради. Она кожей чувствовала исходящий от него жар и этот настойчивый, терпкий запах сандала и бензина, который теперь ассоциировался у неё с опасностью.

— Что ты делаешь? — тихо прошептала она, не поворачивая головы.

— Учусь, — ехидно бросил он, откидываясь на спинку стула и вытягивая длинные ноги под партой. — Ты же сама сказала, что мне не мешало бы подтянуть матчасть.

Лусия на первом ряду обернулась. Ее лицо, секунду назад полное надежды, теперь стало смертельно бледным. Она смотрела на Матео, на Альбу, на их общую парту, и в её глазах стояли слезы глубокой, горькой обиды. Не говоря ни слова, Лусия резко вскочила, смахнув учебники со стола на пол. Не поднимая их, она схватила сумочку и выскочила из класса, громко хлопнув дверью.

— Глава семь, страница сто двенадцать, — невозмутимо произнес Матео, вытаскивая пустую тетрадь и пододвигая её ближе к Альбе. — Диктуй, отличница. Раз уж ты взялась за моё образование, начнем прямо сейчас.

Альба чувствовала на себе взгляды всех двадцати человек в аудитории. Она понимала, что Матео не собирался учиться. Он просто принял вызов. И теперь они были заперты за одной партой — два непримиримых врага, связанные общим секретом и опасным, раскаленным напряжением, которое с каждой секундой всё меньше походило на обычную ненависть.

Глава 6. Сделка с дьяволом

Телефон в кармане завибрировал коротким, резким импульсом, когда Альба выходила из кабинета экономики. Отрезанная от шумного школьного потока, она на секунду замерла у стены, мельком взглянув на вспыхнувший экран. Она даже не заметила, как Матео, шедший в паре шагов за ней, едва заметно прищурился, мгновенно поймав взглядом высветившийся контакт.

От: *Хави*
Текст:*«Жди доставку завтра. Альба, ради бога, будь осторожна».*

Альба мгновенно заблокировала дисплей и спрятала телефон в карман. Её лицо осталось привычной бесстрастной маской, но внутри всё натянулось, как стальной трос перед обрывом. Она не была уверена, насколько Хави понимал масштаб ее задумки, когда отправлял эту посылку из Мадрида, но знала точно — точка возврата пройдена.

Обеденный зал столовой гудел, как потревоженный улей. Солнечные лучи слепили через панорамные окна, отбиваясь от глянцевых подносов. Лусия сидела в самом центре, окруженная свитой. Она буквально лучилась напускным превосходством, то и дело демонстративно поправляя воротник кожаной куртки Матео и громко смеясь, заставляя весь зал смотреть только на них. Матео сидел рядом, но его поза выражала крайнюю степень отстраненности: он лениво вертел в пальцах зажигалку, слушая гул вокруг с полным равнодушием.

Альба взяла свой поднос и, стараясь раствориться в воздухе, направилась к привычно пустому столику у далекого окна. Но не успела она сделать и пяти шагов, как голос Матео, прозвучавший в наступившей тишине особенно резко, словно щелчок кнута, ударил ей в спину:

— Кастель! Куда собралась? Иди сюда. Садись с нами.

Альба замерла. Шум голосов в столовой мгновенно утих, сменившись звенящей тишиной. Десятки голов повернулись в её сторону. Лусия медленно отстранилась от Матео, и её лицо за секунду превратилось в маску из чистого, неразбавленного яда.

— Ты с ума сошел? — выплюнула Лусия, и её голос задрожал от подступающей истерики. — Матео, ты приглашаешь *эту* за наш стол? После того как она вчера поливала тебя грязью перед всей школой?!

Николас, сидевший напротив, тоже напрягся. Он поставил стакан с колой на стол и нахмурился, с опаской глядя на друга:

— Матео, реально, нахрена она нам тут? Она дочка комиссара. Забыл, кто её старик? Она же каждое наше слово зафиксирует и вечером папочке отчет сдаст. Во что ты играешь?

Матео проигнорировал Николаса. Его темные, насмешливые глаза, в которых тлел нездоровый азарт, были прикованы только к Альбе.

— Я сказал — садись, отличница. Нам есть что обсудить.

Альба, вышагивая каждый шаг и чувствуя, как сотни глаз выжигают в её спине дыры, подошла к их столу. Она поставила поднос прямо напротив Матео. Лусия буквально задыхалась от ревности, её ногти судорожно впились в деревянный бортик.

— Ты совсем страх потеряла, мадридская выскочка? — прошипела Лусия, перегибаясь через стол так близко, что Альба почувствовала душный, приторный запах её духов. — Думаешь, если он один раз зажал тебя в подсобке, ты теперь одна из нас? Ты для него — просто способ досадить полицейскому папочке. Посмотри на себя — серая моль в накрахмаленном воротничке. Матео гуляет с королевами, а не с стукачками.

— Замолчи, Лусия, — ледяным, давящим тоном бросил Матео, даже не повернув к ней головы.

— Не замолчу! — Лусия вскочила, резко отодвинув стул, который с грохотом повалился на паркет. — Ты позоришь меня перед всей школой! Ты сажаешь за стол девку, которая мечтает засадить нас всех на нары!

Она резко повернулась к Альбе, её глаза горели настоящим безумием:

— Что, Кастель? Сливаешь папаше наши координаты? Жалуешься, как тебя здесь обижают? Да тебе в этом городе никто руки не подаст!

Матео медленно поднялся. Он был намного выше Лусии, и его тень полностью накрыла её, мгновенно сбивая спесь.

— Ты ей сейчас условия ставишь, Лусия? — тихо, почти шепотом произнес он, и от этого тона у Николаса на лбу выступил пот. — Проваливай отсюда. Прямо сейчас. И своих подружек забирай.

— Что?! — Лусия попятилась, её лицо исказилось от дикого унижения. — Ты выгоняешь меня ради *неё*?

— Я сказал — вон, — отрезал Матео.

Лусия судорожно схватила свою сумку, её глаза наполнились слезами бессильной ярости.

— Вы оба пожалеете! — выкрикнула она на всю столовую, захлебываясь. — Матео, ты еще приползешь! А ты, Кастель... оглядывайся по сторонам. В этом городе с такими, как ты, быстро происходят несчастные случаи!

Она вылетела из зала. За столом повисла тяжелая павза. Матео опустился на стул и пристально посмотрел на Альбу. Насмешливость в его взгляде сменилась на холодное, въедливое любопытство.

— Итак, — произнес он, игнорируя шепотки вокруг. — Хави. Кто он?

Альба замерла с вилкой в руке. Она не ожидала, что он успел разглядеть имя на заблокированном дисплее.

— Кто? — она подняла бровь, стараясь сохранить идеально ровное дыхание.

— Не прикидывайся дурой, Кастель. Я видел уведомление у тебя на телефоне. Хави. Твой парень? Или секретный агент из Мадрида, который учит тебя дерзить местным?

Альба медленно аккуратно отрезала кусочек салата, чувствуя, как его взгляд буквально скальпирует её.

— Какая потрясающая наблюдательность, Матео, — ехидно ответила она, чуть улыбнувшись одними уголками губ. — Но твоё воображение рисует слишком захватывающие картинки. Хави — это просто Хави. Моё личное дело, которое никак не касается твоих гаражных разборок.

— Твоё личное дело? — Матео наклонился ближе через стол, его голос снизился до опасного шепота. — В этом городе всё, что касается тебя, касается и меня. Особенно если ты получаешь сообщения, от которых у тебя пульс зашкаливает.

— Если хочешь знать о моем пульсе, тебе придется очень сильно постараться, — парировала Альба, встречая его взгляд без тени страха. — А пока советую сосредоточиться на своей тарелке. От злости ухудшается метаболизм.

Матео оскалился в ухмылке, но в его глазах вспыхнул темный, неподдельный азарт. Он понял главное: мадридская отличница прячет в рукаве нечто крупное.

Учебный день закончился под аккомпанемент тяжелых взглядов. Когда Альба вышла на парковку, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо над Марбельей в тревожные, багрово-серые тона. Воздух был неподвижным, налитым влажным озоном перед грозой.

Иссиня-черная «Сильвия» резко затормозила прямо перед ней, подняв облачко пыли. За время уроков Карлос успел подлатать патрубки и подогнать машину к выходу. Стекло медленно поползло вниз. Матео вальяжно откинулся на сиденье, положив локоть на оконный проем.

— Садись, отличница. Подвезу.

Альба замерла, прижимая рюкзак к груди.

— Я дойду пешком, Матео. Мне не нужны лишние слухи.

— Слухи уже вовсю гуляют, — он криво усмехнулся. — К тому же я хочу убедиться, что твой таинственный Хави не ждет тебя за углом. Садись, или я буду плестись за тобой со скоростью пять километров в час до самого твоего дома. Выбирай.

Альба вздохнула и рывком открыла дверь. Спорить с ним было бессмысленно — этот парень привык ломать препятствия лбом.

Поездка прошла в плотном, вибрирующем молчании. Матео вел машину агрессивно, регулярно бросая на неё короткие, въедливые взгляды. Когда «Сильвия» свернула на тихую, усаженную туями улицу офицерского квартала и притормозила у её ворот, Альба уже потянулась к ручке двери, но замерла.

Калитка дома распахнулась. На пороге стоял Фернандо Кастель. На нем были форменные брюки и белоснежная рубашка, но лицо комиссара напоминало грозовую тучу.

— Альба! — его прокуренный голос прогрохотал на всю улицу.

Матео медленно снял руки с руля и с откровенным вызовом уставился на комиссара через лобовое стекло.

— Похоже, твой старик не в восторге от сервиса такси, — процедил он с ядовитой ухмылкой, не выключая рокочущий двигатель.

— Уезжай, Матео. Сейчас же, — прошептала Альба, выскакивая из машины.

Едва «Сильвия» с ревом и пробуксовкой сорвалась с места, Фернандо сделал шаг навстречу дочери. Его глаза метали молнии, а челюсти были сжаты так, что на скулах застыли желваки.

— Это кто?! — громко, с тяжелой полицейской металлической интонацией спросил он. — Это тот самый Матео Кастильо?! Сын человека, чью недвижимость я сейчас проверяю? Лидер тех ночных отморозков, которых я поклялся сгноить в камере?!

— Папа, он просто подвез меня, мы столкнулись у...

— Заткнись! — рявкнул Фернандо, шагнув к ней вплотную и буквально подавляя своим авторитетом. В его глазах не было отцовской теплоты — там был жесткий, не терпящий возражений следователь. — Ты кого пытаешься обмануть?! Я тридцать лет в органах! Я лица вижу насквозь! Ты садишься в тачку к парню, чей мотор я лично слышал вчера у маяка!

— Папа, ты ошибаешься...

— Я сказал — молчать! — Фернандо схватил её за локоть и с силой затащил во двор, с грохотом захлопнув калитку. — Ты — дочь комиссара полиции! Ты понимаешь, что твоя выходка делает с моей репутацией?! Если в управлении узнают, что моя дочь катается с главным подозреваемым по делу о нелегальных гонках, меня сожрут с потрохами!

— Тебя волнует только твоя репутация?! — не выдержала Альба, вырывая руку.

— Меня волнует закон и дисциплина! — Фернандо с силой ударил кулаком по деревянному перилу крыльца. Звук выстрела разорвал тишину двора. — Ты заигралась, Альба! Марбелья распустила тебя... Запомни раз и навсегда: если я еще раз увижу тебя ближе чем на сто метров к этому черному «Ниссану» или к этому пацану — я лично запру тебя дома под домашний арест. Без телефона, без ноутбука и без права выхода! Ты у меня будешь сидеть под замком до самого выпуска! Ты меня услышала?!

— Я вас услышала, комиссар, — с ледяной, ненавидящей интонацией выговорила Альба, глядя ему прямо в глаза.

Фернандо тяжело задышал, указывая пальцем на лестницу:
— Марш в свою комнату. И не смей выходить, пока я не разрешу.

Альба поднялась к себе, закрылась на замок и рухнула на кровать, не включать свет. Её всю мелкой дрожью колотило от гнева и адреналина. Сжав кулаки до боли в костяшках, она уставилась в темный потолок. Отец думал, что запер её. Он думал, что сможет сломать её своими приказами, как ломал преступников на допросах.

Но он не знал, что завтра днем в Марбелью прибудет посылка из Мадрида. И тогда эта война выйдет на совершенно другой уровень.

Глава 7. Осколки искренности и первая кровь

Время в стерильной тишине комнаты тянулось невыносимо медленно, превращая каждую минуту в пытку. Около полуночи свет в кабинете отца на первом этаже наконец погас. Альба сидела на краешке прохладного подоконника в полной темноте, глядя на пустую, залитую серебряным лунным светом улицу офицерского квартала. В голове крутился один и тот же замкнутый круг: оскал отца, ледяной металл его угроз, завтрашнее утро, и то, что находится в посылке из Мадрида.

Внезапный шорох под самым окном заставил её вздрогнуть и затаить дыхание.

Что-то глухо ударилось о каменную стену дома, затем послышался приглушенный скрежет обуви по витиеватому узору каменной кладки. Альба замерла, ощущая, как сердце пустилось вскачь, отсчитывая гулкие удары прямо в висках.

Через секунду на каменном отливе показались пальцы с обломанными ногтями и следами въевшегося моторного масла. Ещё мгновение — и в открытом проеме окна возник высокий темный силуэт.

Альба вскочила, готовая выбежать в коридор и закричать, но знакомый, чуть хрипловатый низкий голос заставил её застыть на месте, словно вкопанную.

— Тише, отличница. Не буди папашу, а то он точно меня пристрелит без суда и следствия.

Матео, тяжело дыша от резкого физического усилия, перемахнул через подоконник и бесшумно спрыгнул на пушистый ковер. Он выпрямился, стряхивая пыль с черной кожаной куртки, и окинул комнату наглым, изумленным взглядом.

Спальня Альбы была пугающе, стерильно правильной. Белые стены без единого плаката, идеально заправленная кровать с безупречно ровным покрывалом, рабочий стол, где учебники по юриспруденции и экономике стояли строго по высоте, а ручки лежали параллельно друг другу. Никаких личных фотографий, никаких мягких игрушек или хаотичных мелочей. Комната-камера. Комната-убежище.

Матео медленно прошел вглубь, слегка скрипнув половицей. Он провел пальцем по абсолютно чистой поверхности комода, словно проверяя на наличие пыли, а потом остановился у книжной полки, скептически разглядывая корешки томов.

— М-да... — протянул он, оборачиваясь к ней. Голос его звучал глухо в этой звенящей тишине. — Я ожидал увидеть здесь постеры или хотя бы пару девичьих безделушек. Но это... Ты живешь в операционной, Альба? Или в монастыре? Здесь даже пахнет как-то... слишком стерильно. Лавандой и старой бумагой. Ни капли жизни.

— Ты... ты что здесь делаешь?! — наконец обрела дар речи Альба. Она по-прежнему стояла у кровати, прижимая руки к груди. Шок от его появления боролся внутри с яростью и липким страхом. — Ты с ума сошел, Матео?! Мой отец внизу! Если он услышит шаг — он достанет табельное оружие!

Матео сделал шаг к ней, сокращая расстояние до опасного минимума. В полумраке его глаза казались абсолютно черными, а на губах играла дерзкая, ехидная ухмылка. От него разило ночной прохладой, горьким табаком и бензином — запахами, которые выжигали стерильный мир этой комнаты.

— Твой отец слишком занят своими рапортами, — тихо произнес он, наклоняясь к её лицу так близко, что она ощутила горячее дыхание на своей коже. — А я не привык оставлять разговоры незавершенными. Ты так и не ответила, кто такой Хави. И я решил, что личная обстановка в твоей спальне, без лишних ушей, больше располагает к честности.

Альба сделала шаг назад, но уперлась лопатками в дверцу деревянного шкафа.

— Убирайся сейчас же! — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Ты не имеешь права сюда входить! Моя жизнь тебя не касается!

— Границы существуют для того, чтобы их ломать, Альба. Особенно если за ними скрывается что-то интересное, — он с глухим стуком уперся ладонью в шкаф прямо над её головой, отрезая путь к бегству. — Ну так что? Будешь кричать и звать комиссара? Или всё-таки расскажешь, кто этот Хави, чье имя заставляет тебя замирать? Я же слышу, как колотится твое сердце, отличница. Прямо сейчас.

— Мое сердце колотится, потому что подо мной спит человек с оружием, а передо мной стоит идиот! — яростно прошептала Альба, встречая его взгляд в упор. — Хави — мой единственный настоящий друг из Мадрида. Единственный человек, который помнит меня нормальной, а не той «правильной дочкой», которую сделал из меня отец после смерти мамы! Счастлив?!

Матео замер. Ухмылка медленно сползла с его лица, уступив место неожиданной, тяжелой серьезности. Слово «мама» повисло в воздухе между ними, разрезав наэлектризованный адреналин подсобки и коридоров на чистую боль.

— После смерти... мамы? — тихо переспросил он.

Альба сжала губы, пытаясь сдержать подступивший к горлу ком.

— Два года назад, — отчеканила она, стараясь вернуть голосу ледяную броню, но броня дала трещину. — Отец зациклился на контроле. Он превратил нашу жизнь в устав. Переезд сюда, эта комната, этот институт — всё это попытка построить стену от прошлого. Я не бегу за ним, Матео. Я просто сижу внутри этой стены.

Матео медленно опустил руку. Напряжение в его плечах спало. Он оглядел спальню снова, но теперь — совершенно другими глазами. Он видел не операционную. Он видел клетку.

— Мой старик никуда не бежит, — тихо произнес парень, спускаясь на пол и прислоняясь спиной к подножию её кровати. Он вытащил из кармана незажженную зажигалку и стал крутить её в пальцах. — Ему просто плевать. Он закрывает мои счета в полиции, покупает мне новые тачки, лишь бы я не отсвечивал в его бизнесе. У нас дома тоже тишина, Альба. Но она не от горя. Она от пустоты.

Альба медленно опустилась на ковер напротив него, обняв колени руками.

Ночной часовой механизм отсчитывал два, затем три часа ночи. Напряжение сменилось странной, пугающей откровенностью. Они говорили тихо, почти шепотом, словно двое соучастников. Матео рассказывал, как собрал свой первый карт в тринадцать лет в гараже с Карлосом , чтобы просто не возвращаться в пустой особняк. Альба призналась, как скучает по сырому мадридскому асфальту и шумным улицам, где никто не знал её фамилии.

Ближе к четырем утра Матео перебрался с холодного пола на край ее кровати. Альба прислонилась спиной к изголовью, чувствуя, как веки наливаются тяжестью. Голос Матео — тихий, бархатный, расслабленный — стал убаюкивающим фоном.

— ...и тогда старик просто прислал своего юриста с чеком, — шептал он, глядя на темный потолок. — Даже не приехал...

Альба не дослушала. Истощение взяло свое. Ее голова медленно опустилась на подушку, прямо рядом с вытянутой рукой Матео.

Парень замолк. В предрассветных сумерках он долго смотрел на её спящее лицо. В этот миг в ней не было ни капли горделивой неприступности — она казалась невероятно хрупкой, словно фарфоровая статуэтка, которую легко разбить одним неосторожным движением.

Матео осторожно поднялся, взял шерстяной плед с кресла и накрыл её до самого подбородка. Его пальцы на секунду замерли в миллиметре от её виска, щекоча воздух теплотой, но он так и не решился коснуться её волос. Повернувшись, он бесшумно перемахнул через подоконник и растворился в предрассветном тумане.

Резкий звон будильника вырвал Альбу из сна в семь утра. Вскочив, она дико огляделась, пытаюсь понять, не был ли ночной визит галлюцинацией. Но смятый край покрывала и настойчивый запах сандала на подушке подтверждали — он был здесь.

Завтрак прошел в гробовом молчании. Фернандо сидел за столом, сосредоточенно изучая распечатки в планшете, лишь изредка бросая на дочь тяжелые, подозрительные взгляды.

— Я ухожу, папа, — тихо сказала Альба, ставя чашку в раковину.

— Иди прямо в институт. И помни наш вчерашний разговор, — сухо отрезал комиссар, не поднимая глаз.

Едва Альба шагнула за калитку, её сердце ушло в пятки. Прямо у ворот, перегораживая узкий проезд, стояла черная «Сильвия». Матео небрежно прислонился к капоту, скрестив руки. Он выглядел бодрым и дерзким, словно не он три часа назад вылезал из её окна.

— Ты с ума сошел?! — Альба подлетела к нему, её глаза горели яростью. — Убирайся! Отец дома!

Она не знала, что за их спиной, в окне первого этажа, медленно отодвинулась тяжелая штора.

Фернандо Кастель замер у стекла. Его лицо окаменело, а челюсти сжались так, что на висках вздулись вены. Он видел, как его «правильная» дочь стоит вплотную к парню, на которого он вчера завел оперативную разработку. Гнев, копившийся годами, вспыхнул с разрушительной силой.

Отпихнув стул, Фернандо снял трубку домашнего телефона и набрал номер своего заместителя:

— Передайте в отдел расследований. Мне нужны все счета семьи Кастильо. Каждая транзакция, каждый неоплаченный штраф их сынка. Я хочу стереть этих тварей в порошок.

Матео припарковал «Сильвию» прямо у подножия парадной лестницы института, где собиралась вся местная элита. Заглушив мотор, он вышел первым, обошел капот и под ошеломленные взгляды толпы распахнул дверь перед Альбой, протягивая ей ладонь.

Лусия, стоявшая на верхней ступени, буквально позеленела. Пальцы с ярко-красным маникюром впились в ремень реплики *Chanel*так, что треснула кожа.

— Ты переигрываешь, — прошептала Альба, проигнорировав его руку и выходя самостоятельно.

— Я только начинаю, — ответил Матео, и в его голосе проскользнула настоящая сталь.

Лусия сорвалась с места, почти сбегая по ступеням. Каблуки яростно стучали по плитке. Она вклинилась между ними, едва не задев Альбу плечом.

— Что это за дешевый цирк, Матео?! — её голос сорвался на ядовитый визг. — Ты привозишь эту... эту полицейскую подстилку прямо к дверям?! Ты думаешь, это круто — путаться с дочерью того, кто мечтает упечь тебя на нары?!

— Закрой рот, Лусия, — спокойно, но с такой ледяной угрозой произнес Матео, что стоявший рядом Карлос невольно сделал шаг назад.

— Не закрою! — Лусия повернулась к Альбе, одарив её взглядом, полным брезгливости и жгучей ревности. — Посмотри на себя, Кастель! Ты же вся светишься! Что, в Мадриде на тебя никто не клюнул, и ты решила запрыгнуть в тачку к местному королю, чтобы папочке было удобнее сливать информацию?! Ты хоть понимаешь, кто ты для него? Удобный способ досадить комиссару! Он поиграет с тобой, вывернет твои жалкие секреты, а потом выбросит, как дырявую покрышку!

Лусия наклонилась к самому уху Альбы, так, чтобы слышал и Матео:

— Я знаю, что ты была у маяка. Ты выглядела как побитая собака в своей тени. Думаешь, если он один раз посмотрел в твою сторону, ты стала особенной? Ты — серая грязь под его

ногтями. И я позабочусь о том, чтобы каждый в этом здании знал, какую цену ты заплатила за это место в машине.

Альба почувствовала, как внутри закипает отчаянная волна гнева, но прежде чем она успела открыть рот, Матео с железной силой перехватил Лусию за запястье и оттащил её в сторону.

— Ещё одно слово в её адрес, Лусия, — прорычал он, и в его глазах вспыхнул опасный, дикий огонь, — и ты забудешь дорогу к моему гаражу и к моему столу навсегда. Иди на уроки. Сейчас же.

Лусия задохнулась от унижения. Она оглянулась на притихшую толпу, на шепчущихся за спиной подруг. Её статус рушился на глазах. Одарив Альбу последним взглядом, полным яда, она развернулась и почти бегом скрылась в дубовых дверях.

По коридорам института поползли слухи, один грязнее другого. Но Альба больше не опускала голову. Она чувствовала спиной присутствие человека, который ночью сидел на полу её комнаты. И она знала: скоро приедет то, что изменит правила этой игры раз и навсегда.

Глава 8. Глаза цвета мадридского смога

Салон «Сильвии» все еще хранил запах ее духов. Не приторных, химических, как у Лусии, а каких-то едва уловимых — смесь горной лаванды и чего-то чистого, как дождевая вода.

Когда Альба выскочила из машины прямо под убойный взгляд своего папаши-комиссара, я даже не стал заглушать мотор. Фернандо Кастель смотрел на меня так, будто я лично пригнал к его забору цистерну с динамитом. Старик сжимал кулаки, у него даже челюсть перекосило. Я лишь криво усмехнулся ему прямо через лобовое, крутанул руль и дал по газам, пуская черную резину в юз. Пусть привыкает. Его дочка теперь ездит в моей тачке, и с этим полицейским отчетом ему придется смириться.

Из офицерского квартала я рванул прямо в промзону. В гараже Карлоса, как всегда, воняло горелым маслом, бензином и дешевым кофе. Светильник на длинном проводе раскачивался под потолком, выхватывая из темноты разобранный мотор и тушу старой «БМВ».

Карлос вылез из-под подъёмника, вытирая масляные руки обрыдлой ветошью.

— Ты совсем с катушек слетел, Матео? — вместо приветствия проворчал он, швыряя гаечный ключ на верстак. — Я слышал, что ты устроил в столовой. Ты Лусию в порошок размазал перед всей школой. Ради кого? Ради дочки человека, который под нас копает?

Я небрежно бросил ключи от «Сильвии» на капот и закурил, усевшись на обод старого диска.

— Лусия слишком много о себе возомнила. Ей полезно вспомнить её место.

— Да дело не в Лусии! — Карлос подошел ближе, нахмурившись. — Дочка комиссара... Она же берет на себя столько, будто этот город принадлежит её папаше. Она тебя с потрохами сдаст! Ты зачем на нее так резко переключился? Лусия её заживо сожрет, ты же знаешь. А вместе с ней — и нас, потому что ее отец закрывает глаза на наши гонки, пока ты с ней. Ты рискуешь всем гаражом, брат. Что в этой мадридской новенькой такого?

Я сделал затяжку, глядя на сизый дым, уходящий в темноту потолка. Что в ней такого?

— Она не стучит, Карлос. И она не боится, — тихо произнес я. — В отличие от всех остальных, кто заглядывает мне в рот. Она смотрит на меня так, будто знает, что за всей этой хренью с тачками и деньгами ничего нет. И этот ее Хави...

— Какой еще Хави? — перебил Карлос.

— Неважно, — я выбросил бычок и поднялся. — Подготовь тачку к субботе. Насчет Лусии не парься. Я сам разберусь.

Около полуночи я уже был у её дома. Тихо подогнал «Сильвию» за два квартала, чтобы не шуметь выхлопом.

Забор офицерского дома оказался смешным препятствием. Я залез по водостоку и выступу каменной кладки легко, почти без звука. Когда я перемахнул через подоконник в её спальню, меня будто обухом по голове ударило.

Стерильность. Ни единой лишней вещи. Всё по линеечке. Это была не спальня семнадцатилетней девчонки, а камера предварительного заключения.

Она стояла у кровати — испуганная, дикая, готовая сорваться на крик. Но когда мы начали говорить... черт. Она не стала плакать или умолять. Она выложила мне всё. Про мать, про переезд, про стены, которые строит её отец.

К четырем утра, когда она уснула прямо на подушке рядом с моей рукой, я так и остался сидеть на краю её кровати.

Я смотрел на неё в слабых сумерках рассвета. Без своей привычной колючей защиты, без этой высокомерной осанки отлично обученной дочки полицейского, Альба казалась совсем

хрупкой. Как фарфоровый стакан, который может треснуть от малейшего нажима. У неё были длинные темные ресницы и едва заметная горбинка на носу, которую я раньше не замечал. Пальцы сами потянулись к её волосам — хотелось проверить, такие ли они мягкие, как выглядят. Но я сжал кулак и убрал руку. Если я коснусь её сейчас — всё изменится. А я пока не знал, готов ли я играть по её правилам.

Я осторожно накрыл её пледом, вылез через окно и спустился вниз.

Уезжать я не стал. Просто дошел до «Сильвии», откинул кресло и проспал часа три прямо в машине у её ворот. Когда в восемь утра калитка скрипнула и Альба вышла на улицу, я уже стоял у капота, делая вид, что только что подъехал.

— Ты с ума сошел?! — она подлетела ко мне, её глаза горели яростью. — Убирайся! Отец дома!

— Садись, — коротко сказал я, открывая дверь.

Она заколебалась всего на секунду, оглянулась на дом и... села. Этот маленький акт бунта против отца доставил мне чертовы тонны удовольствия.

На парковке у института я решил довести дело до конца. Припарковался прямо у парадного входа, вышел и сам открыл ей дверь. Школа гудела. Лусия стояла на лестнице, и по её лицу можно было учить анатомию — так натянулись все жилы от ярости. Она визжала, бросалась ядом, пыталась унизить Альбу, орала про «полицейскую подстилку». Я перехватил Лусию за руку так крепко, что она пискнула, и выставил её вон.

Когда шторм улегся, мы остались с Альбой у капота «Сильвии». Вокруг нас образовался вакуум — никто не смел подойти ближе, чем на десять метров.

Альба скрестила руки на груди. Её щеки горели, но взгляд был твердым.

— Зачем ты это делаешь, Матео? — тихо, но резко спросила она. — Устраиваешь этот цирк? Показываешь меня всем, как какой-то трофей? Чтобы позлить отца? Или чтобы окончательно растоптать Лусию?

Я сделал шаг к ней, убирая руки в карманы куртки.

— Ты думаешь, это всё ради них?

— А ради кого?! — её голос дрогнул от сдерживаемых эмоций. — Ты врываешься в мою комнату ночью, играешь сейчас в спасителя , а потом бросаешь меня под этот ядовитый соус перед всей школой! Я не твоя игрушка, Кастильо. И если ты думаешь, что пару ночных разговоров делают нас друзьями — ты ошибаешься.

— Я не ищу друзей, Альба, — отрезанным тоном проговорил я, встречая ее взгляд. — И я не играю.

— Тогда прекрати этот спектакль.

Она развернулась и, не ждав моего ответа, пошла вверх по ступеням. Её затылок был гордо выпрямлен, словно она шла не на занятия, а на казнь.

Я смотрел ей вслед, пока тяжелые дубовые двери института не захлопнулись за её спиной.

— М-да... — раздался сбоку знакомый голос.

Карлос подошел ко мне, опираясь на крыло «Сильвии». Он проводил Альбу долгим взглядом и качнул головой.

— Ты влип, брат. Серьезно влип.

— Заткнись, Карлос, — не громко ответил я, вытаскивая из пачки сигарету.

— Да я молчу. Просто говорю: у этой девчонки характер из стали. Лусия её не сожрет — она об нее зубы сломает. Но вот что ты будешь делать, когда её папаша пришлет за тобой патруль?

Я зажег спичку, защищая огонь ладонью от холодного морского ветра.

— Пусть попробует, — ответил я, глядя на закрытые двери института. — Сначала пусть хотя бы поймает.

Глава 9. Тень из прошлого

Учебный день превратился в настоящий ад. После утреннего спектакля у капота «Сильвии» Матео, словно в насмешку, бесцеремонно сдвинул с места тихого парня с передней парты и уселся рядом с Альбой.

Первые два урока прошли в непрерывном напряжении. Матео не давал ей дышать: то откровенно рассматривал её профиль, игнорируя бубнеж учителя истории, то крутил в пальцах её карандаш, то касался её колена своим под столом — раз за разом, будто случайно. Когда она пыталась отодвинуться к самой стене, он лишь низко, вибрирующе смеялся.

— Перестань, — шипела Альба, сжимая тетрадь. — На нас все смотрят.

— Пусть смотрят, отличница, — спокойно отозвался он, не сводя с неё темного, тяжелого взгляда. — Я вчера предупредил: я не играю. И отвыкай от привычки убегать от меня на глазах у всей школы.

Мысли Альбы были бесконечно далеки от конспектов. Она то и дело проверяла телефон, игнорируя косые взгляды учителей и ядовитый шепот Лусии с заднего ряда. И вот, на середине большой перемены, экран наконец вспыхнул коротким уведомлением.

***От**: Хави*
***Текст**: «Я у главных ворот. Выходи, маленькая бунтарка».*

Сердце сделало кульбит. Альба сорвалась с места, едва не сбив с ног дежурного в коридоре. Забив на крики вдогонку, она выскочила на крыльцо и замерла, жадно вдыхая прохладный морской воздух.

Прямо перед входом, нагло перегородив проезд для автобусов, стоял ревущий зверь — матово-серый *Nissan GT-R*. Его низкий, раскатистый рокот заставлял вибрировать стекла в окнах первого этажа.

Из машины вышел Хави. В этом чистеньком курортном городке он выглядел как пришелец из другого мира. Высокий, широкоплечий, с короткими темными волосами, которые он привычно взъерошил пятерней. На нем была потертая кожаная куртка с эмблемами гоночных треков Мадрида и выцветшие джинсы. На правой скуле белел тонкий шрам — память о заварушке на нелегальном треке пару лет назад. Его карие глаза, окруженные сеткой мелких морщинок от вечного прищура, моментально выхватили Альбу из толпы.

Она не раздумывала ни секунды. Сбежав по ступеням, Альба буквально влетела в его объятия, спрятав лицо у него на груди.

— Ты приехал... — выдохнула она, чувствуя родной запах горького табака, жженой резины и машинного масла. Запахи её настоящего дома.

— Я же обещал, мелочь, — Хави с силой прижал её к себе, легко оторвав от земли и закружив на месте, а затем поставил обратно. Он взъерошил её волосы, пристально всматриваясь в её лицо: — Боже, Альба... Да ты исхудала совсем в этой своей провинции. Опять заставляешь себя быть идеальной? У тебя глаза, как у загнанного зверька.

— Всё нормально, Хави. Теперь, когда ты здесь, всё точно будет нормально, — Альба сияла. Это была первая искренняя, живая улыбка, озарившая её лицо за все эти бесконечные недели.

— Посылка в закрытом ангаре у старого порта, как ты и просила, — тихо, понизив голос, проговорил Хави, проводя большой пальцем по её щеке. — Содержимое — полный комплект. Ты уверена, Альба? Если твой старик прознает...

— Я уверена. Обратного пути нет, — она твердо встретила его взгляд.

— У меня сейчас пару дел в городе, подскочу к финальному звонку, — Хави усмехнулся и легким щелчком задел её нос. — Держись, мелкая.

Они не заметили, как в десяти метрах от них, за массивной мраморной колонной, Лусия медленно подняла телефон. Щелчок затвора потонул в басовитом реве мотора GT-R. Лусия, криво усмехнувшись, нажала «Отправить». Получатель: Матео.

Альба только успела перешагнуть порог института, всё еще ощущая на плечах тепло рук Хави, как путь в коридоре ей преградил Матео. Он стоял, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Его лицо было мертвенно-бледным, а в глазах застыла такая тяжелая, дикая ярость, что Альбе стало физически не по себе. В руке он сжимал телефон с той самой фотографией, где она висела на шее у владельца серые тачки.

— Значит, вот он какой — твой Хави, — голос Матео прозвучал низко, прокуренно, с открытой угрозой. — Устроила публичное выступление прямо на въезде? Обниматься с залетными парнями на глазах у всей школы — это теперь твоя новая тактика, отличница?

Альба нахмурилась, чувствуя, как от его тона внутри поднимается волна протеста:

— Это не твое дело, Матео. Отойди.

— Еще как мое! — он сделал резкий шаг вперед, заставляя ее отступить к стене. — Ты же сама ночью говорила мне, кто он! Твой «единственный настоящий друг из Мадрида», да?! Единственный, кто знает тебя «настоящей»! А выглядит это так, будто ты просто привезла себе любовника с гоночного трека, чтобы крутить им перед моим носом!

— Ты совсем с катушек слетел?! — прошипела Альба, вытаращив глаза от наглости его выводов. — Я рассказала тебе о нем ночью, потому что поверила, что ты умеешь слушать! А ты снова превращаешь всё в свой пещерный контроль! Хави для меня — как старший брат! Он единственный, кто поддержал меня, когда умерла мама, пока мой отец закрывался в кабинете!

— Брат? — Матео ядовито усмехнулся, но в глубине его глаз вспыхнула быстрая боль от упоминания её ночных откровений. Он наклонился ближе: — Братьев не встречают так, будто это последний шанс выжить. Кто он, Альба? Что вы с ним задумали в этом городе?

— Отойди от меня, Кастильо, — отчеканила она ледяным тоном, глядя ему прямо в разгоряченные глаза. — Ты мне никто. И я не обязана перед тобой отчитываться.

Звонок на урок разорвал наэлектризованную тишину. Матео не шелохнулся ещё пару секунд, буквально сканируя её лицо, а затем неохотно отступил, давая пройти.

Когда прозвенел последний звонок, Альба вылетела из здания первой. Мысли её были уже далеко — там, у старого порта.

— Альба! — окликнул её знакомый голос у парковки.

Черная «Сильвия» притормозила у самой брусчатки. Стекло опустилось, Матео высунулся из окна, его челюсти были плотно сжаты, а на скулах ходили желваки.

— Садись. Я подвезу тебя. Нам нужно закончить утренний разговор. Без свидетелей.

— Нет, Матео. У меня дела, — Альба даже не замедлила шаг.

— Какие ещё дела?! С этим твоим... на сером корыте?! — в его голосе прорезалась неприкрытая, яростная ревность. — Сядь в машину, я не шучу!

Но Альба уже не слушала. У главных ворот её ждал Хави. Едва завидев её, он распахнул пассажирскую дверь GT-R. Альба рванула к нему, на ходу подхватив рюкзак, быстро запрыг-

нула в салон, и матово-серый спорткар с ревом сорвался с места, оставляя за собой шлейф сизого дыма.

Матео застыл за рулем, до белизны в костяшках сжимая кожаную обшивку. В этот момент к его открытому окну не спеша подошла Лусия.

Она облокотилась на дверь, с нескрываемым ядовитым удовольствиям провожая взглядом удаляющиеся красные габариты GT-R.

— Что, Матео? — пропела она сладко, наслаждаясь его видом. — Похоже, твоя золотая рыбка ускользнула от тебя прямо в руки настоящего мужчины. И судя по тому, как она на него смотрит, ты для неё — просто скучный эпизод в провинциальном городке. Удобная тачка, чтобы доехать до школы.

Матео даже не повернул к ней головы. Внутри него полыхал настоящий пожар из уязвленного тщеславия, злости и странного, дикого страха потерять то, что он толком даже не успел назвать своим.

Он резко вбил первую передачу, вывернул руль и с жестоким пробуксовочным свистом выжал педаль газа в пол.

Он не собирался отпускать её. Он должен своими глазами увидеть, что за «дела» ждут её с этим мадридцем.

Глава 10. Вызов брошен

Промзона встретила их тяжелым запахом ржавчины, сырой плесени и гниющей морской соли. Серый *GT-R*шел ровно, огибая выбоины, но в зеркале заднего вида Альба не спускала глаз с настойчивого, почти безумного блеска двойных фар «Сильвии».

Матео даже не пытался скрываться. Он висел на хвосте, как разъяренная гончая, вцепившаяся в след: то и дело притирался к левой полосе, словно пытаясь выровняться и рассмотреть, кто именно сидит за рулем рядом с Альбой.

За окном проносились изувеченные скелеты заброшенных складов и серые бетонные заборы, испещренные ядовитым граффити. Альба видела, как костяшки её пальцев побелели от того, с какой силой она сжимала кожаную обивку сиденья. Сердце колотилось где-то в горле.

— Он не отстанет, Хави. Он больной на всю голову! Притормози, — её голос сорвался на звенящий шепот. — Я не хочу, чтобы он ехал за нами до самого ангара.

Хави бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида. Его губы тронула холодная, понимающая усмешка человека, который видел сотни таких «горячих голов» на подпольных трассах Мадрида.

— Парень настроен серьезно, мелкая. У него в глазах пожар, а в баке, судя по звуку двигателя, слишком много дешевого гонора, — Хави плавно, почти лениво качнул руль вправо. — Ладно. Давай послушаем, что он нам прохрипит, иначе он просто протаранит нас на следующем повороте.

*GT-R*замлел у обочины, подняв сухое облако цементной пыли.

Матео среагировал мгновенно. «Сильвия» взвизгнула тормозами, замирая в каких-то сантиметрах от бампера «Ниссана», так что из-под ее колес во все стороны с треском вылетели искры и мелкий гравий.

Не успела Альба даже коснуться ручки, как дверь «Сильвии» распакнулась. Матео выскочил наружу. Он не шел — он наступал. Куртка расстегнута, тёмные волосы спутаны ветром, а на бледном лице горела та самая ярость, которую он с трудом сдерживал в коридорах школы.

Альба и Хави вышли навстречу, встав в оседающем облаке пыли.

Матео даже не взглянул на Альбу. Весь его мир в эту секунду сузился до высокого незнакомца в потертой кожанке. Он сократил дистанцию в три быстрых шага и остановился в упор к Хави — грудь в грудь. В его позе не было расчета, только дикий, звериный инстинкт.

— Ты, — процедил Матео, тыча указательным пальцем Хави прямо в грудную клетку. Голос его дрожал и срывался от зашкаливающего адреналина. — Я не знаю, из какой мадридской подворотни ты вылез и кем ты приходишься Альбе, но в моем городе ты не будешь устраивать эти обнимашки на камеру. Здесь другие правила, кусок дерьма.

Хави даже не шелохнулся от его удара пальцем. Он лишь медленно приподнял бровь и лениво оперся локтем на крышу своей машины. В его карих глазах не было ни страха, ни гнева — лишь спокойное, давящее превосходство взрослого хищника перед молодым волчонком.

— Твой город? — Хави с ленивым любопытством обвел взглядом унылые, полуразрушенные склады. — Судя по тому, как ты виляешь хвостом и жжешь резину, ты здесь даже заправку не контролируешь, парень. От тебя пахнет необоснованными амбициями и сумасшедшей ревностью. Это хреновый коктейль для водителя.

Слово «ревность» подействовало на Матео как взрыв. Кулак Матео сжался до хруста суставов, плечо дернулось назад для короткого, сокрушительного удара прямо в челюсть мадридца.

— Матео, нет! — Альба вклинилась между ними за долю секунды до удара, изо всех сил упершись ладонями в грудь Матео.

Его грудь под кожаной курткой вздымалась, как кузнечные мехи. Он не ударил — остановил кулак в каком-то сантиметре от плеча Хави, но от резкого движения воздухом обдало лицо мадридца. Хави даже не моргнул.

— Убери руки от него! — прошипел Матео, сверху вниз глядя на Альбу, и его дыхание опалило её лоб. — Отойди, Альба!

— Прекрати этот цирк! — закричала она, не отступая ни на миллиметр. — Ты ведешь себя как конченый психопат! Ты следишь за мной, ты бросаешься на людей! Посмотри на себя, Матео! Убирайся отсюда!

Матео тяжело задышал, переводя дикий взгляд с её пылающего лица на невозмутимую маску Хави. В глубине его темных зрачков на секунду промелькнула растерянность, смешанная с жгучей, невыносимой обидой — он видел, как она закрывает собой «этого». Вся его ночная откровенность на полу ее комнаты, все его попытки защитить ее у школы рушились прямо сейчас.

— Сегодня в полночь, — процедил Матео, сделав шаг назад и тяжело выравнивая дыхание. Он смотрел исключительно на Хави. — На старом серпантине у маяка. Ты, я и трасса. Если ты такой крутой, каким хочешь казаться перед ней, ты приедешь. Ставим всё: тачки, деньги... или право больше никогда к ней не подходить.

— Матео, ты сдурел?! — ахнула Альба.

Но Матео уже не слушал. Он снова посмотрел на Хави с откровенным презрением:

— В полночь. Или признай, что яйца ты оставил в Мадриде, а сюда приехал просто покрутить руль.

Он развернулся, шагнул к «Сильвии», с грохотом захлопнул дверь и, сорвав колеса в бешеную, визжащую пробуксовку, развернулся на месте. Автомобиль унесся прочь, оставляя за собой густую завесу сизого дыма.

Запах жженой резины еще долго висел в неподвижном воздухе, смешиваясь с ароматом соли. На горизонте солнце медленно тонуло в море, окрашивая облака в цвет запекшейся крови.

Альба стояла, тяжело облокотившись на капот *GT-R*, и пыталась унять мелкую дрожь в руках.

— Поехали в ангар, прошу тебя... — выдохнула она.

Они сели в салон. Хави завел мотор, но не спешил переключать передачу. Он откинулся на подголовник и внимательно посмотрел на Альбу. На его губах медленно расплылась ехидная, провокационная ухмылка.

— Ну и ну, маленькая бунтарка... — протянул Хави с откровенным стебом в голосе. — А теперь, пока мы медленно пилим к месту, расскажи-ка мне подробнее: кто этот камикадзе на черном корыте? И почему он смотрел на тебя так, будто я только что украл у него его единственную причину жить?

— Прекрати, Хави! — Альба резко отвернулась к окну, почувствовав, как щеки обжигает жгучий румянец. — Он просто местный идиот. Сын человека, под которого копает мой отец. В первый день я имела глупость сказать ему прямо в лицо, что его тачка — ведро со сцеплением. И с тех пор он просто преследует меня, потому что его эго не выдержало!

— О-о-о, — затянул Хави, крутя руль одной рукой и посмеиваясь. — Ведро со сцеплением? Какая суровая мадридская критика! А то, что это «ведро» сегодня залезло к тебе в спальню через окно, ты, конечно, тоже спишешь на поврежденное эго?

Альба замерла, резко повернув к нему голову:

— Откуда ты...

— Прямо в яблочко! — Хави расхохотался, качая головой. — Альба, я знаю тебя с шести лет. Ты никогда, слышишь, *никогда*не пустила бы парня на расстояние ближе метра, если бы

он был тебе просто «местным идиотом». Ты бы сломала ему нос или заставила отца завести на него дело. А тут... Ты закрываешь его своей спиной от моего кулака!

— Я просто не хотела, чтобы ты урыл его прямо на глазах у портовых рабочих! — попыталась оправдаться она, сжимая кулаки. — Нам не нужны проблемы с полицией!

— Конечно, конечно, — с наигранной серьезностью кивнул Хави, но его глаза чертовски искрились. — Ты спасала *меня*, а не его. Верим. Но парень-то в тебя влип по самые уши, Альба. Он же рычал на меня, как дикий пес. Ему плевать на статус твоих родителей, ему плевать на мой *GT-R*. Он просто хочет сожрать каждого, кто к тебе прикоснется.

— Между нами ничего нет и быть не может, — отрезанно выговорила Альба, глядя на проплывающие мимо портовые краны. Но сердце в груди отбивало чечетку, выдавая её с потрохами. — У него своя жизнь, у меня — своя. И сегодня в полночь ты никуда не поедешь. Ты слышал? Это ловушка.

— Ничего нет? — Хави хмыкнул, притормаживая у ржавых ворот ангара. — Ну-ну. Посмотрим, что ты скажешь в полночь, бунтарка. Потому что на серпантин я поеду. Такой вызов в нашем мире не отклоняют и ты это прекрасно знаешь.

Он заглушил двигатель, и вступившая тишина портового склада накрыла их, готовая открыть главную тайну, ради которой Альба затеяла всю эту опасную игру.

Глава 11.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.